АУГУСТ АЛЛЕ
ЛИРИКА И САТИРА

Аугуст Алле

ЛИРИКА И САТИРА

АУГУСТ АЛЛЕ

ЛИРИКА И САТИРА

ЭСТОНСКОЕ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

ТАЛЛИН 1960

Э
А50

Перевод с эстонского
под редакцией *Леона Тоома*

Составители
Ральф Парве и *Вал. Рушкис*
Послесловие и примечания *Р. Парве*

Из книги

«К ОСТРОВАМ ОДИНОЧЕСТВА»

1918

ЭСТОНСКАЯ ПАСТОРАЛЬ

С неба свинцового — дождь непрестанный,
поле и небо в завесе туманной,
по полю бродит понурое стадо,
стуже угрюмой сентябрьской не радо.

Мальчик-подпасок, одетый убого,
грустно нахохлившись, сел возле стога,
мокрый, продрогший... А в поле пустом
дрогнет овчарка с поджатым хвостом.

Должен мальчишка следить за стогами,
чтоб не разрыли коровы рогами,
чтобы не трогали сена до срока, —
все это с мальчика взыщется строго.

Эх, хоть бы вечер настал поскорее,
место б на печке найти потеплее,
лапти повесить, за стол бы присесть
и подогретой похлебки поесть!

После бы выспаться вдоволь... Да где там!
Будит хозяин его до рассвета —
если, мол, этак лениться мы станем,
то с молотьбой от соседей отстанем.

Надо на ригу... И нет передышки,
нету ни сна, ни покоя мальчишке...
Скверная жизнь пастуху и собаке,
скверная! Ими командует всякий.

Не накормив, подавляя зевоту,
гонит хозяйка тебя на работу —
ты молодой, так работай за двух...
Трудно живешь ты, мальчишка-пастух!

1916

ПРИХОД ОСЕНИ

Рассыпая то ржавчину, то позолоту,
наряжая в сверкающий иней болота,
входит осень.

По холодной воде, сине-серой как сталь,
под косыми лучами, в поблекшую даль
входит осень.

За стадами пройдя по лесам настороженным,
в хутора и селенья, жнивьем, бездорожьем
входит осень.

1916

НА БОЛОТЕ

Мох болотный, клюква-журавика,
ржавые разливы бурых вод...
Здесь по вечерам с гортанным криком
журавли готовятся в полет.

Небо в тучах, серых как забота,
жмется к соснам, сникло до земли.
И, курлыча горестно, с болота
улетают журавли.

1916

ДРЕВНЯЯ МОГИЛА

Преданий нет о том, с каких веков
стоит могильный холм среди песков.
Но много тут следов минувших лет —
секир, костей истлевших и монет.

Холм стережет горбатая сосна,
вся в старых шрамах, вся искривлена:
кладоискатель подрубал ей корни,
ломал ее осенний шторм упорный.

Здесь волк не бродит больше. Только ворон
порою прилетит, как уголь черен,
и каркает во тьме перед грозой.

Здесь огоньки блуждают ночью теплой.
Здесь мох сухой да скромный вереск блеклый
сосна кропит тяжелою слезой.

1916

ОРЛЯТА

Мы — орлята,
мы крылаты,
мы летим за черной тучей,
поднимаемся все круче
над заливами, над морем,
спорим с ветром, с бурей спорим.
За долины, за вершины,
вдаль вперяем глаз орлиный.

Что орлятам
терема-то?
Что нам теплые гнездовья?
Сердце бьется жаркой кровью,
жаждет в битве закалиться
там, где молния змеится.
Буря — счастье для орлят,
шторм орленку друг и брат!

БОГ АПИС [1]

Ночь. Завершились жертвоприношенья.
Над Нилом сфинксы погрузились в спячку.
Изида [2] спит. Бог Апис, в украшеньях,
забылся сном, дожевывая жвачку.

И Апису приснилось, как в него
под пенье флейт и мерный звон тимпана
великое вселилось божество,
на радость благодарным египтянам.

А прежде, не причисленный к богам,
он был быком обычным и на воле
за телками гонялся по лугам...

Тут Апис просыпается от боли:
за то, что он в навоз улегся, жрец
с размаху пнул его ногой в крестец.

1917

КЛЕОПАТРА

Скатившись к Нилу, солнце умирало,
пурпурной кровью волны заливая.
И крокодил мигнул ему зевая,
а лотос лепестки склонил устало.

Триера Клеопатры раздвигала
речную тишь, камыш едва листая.
Испуганных фламинго стая
взвилась над Нилом, словно парус алый.

На зеркале воды расставил вечер
дрожащих звезд серебряные свечи,
и Клеопатра открывает пир.

Пусть Цезарь победит хоть всех на свете,
здесь для нее гребцов торопят плети,
здесь оргиями изумляют мир!

1916

ТЕНЬ ГАМЛЕТА

Бессоница. А тучи ниже, ниже ...
В их контурах дворцы я различить могу,
косматых рыбаков на бурном берегу,
тень принца Датского — тебя я вижу.

Узнал тебя. Ты бледен — от недуга ль?
Не спрашивай, кто я: не зная сам, солгу.
Скребет напильник совести. В мозгу —
анализа давно остывший уголь.

Безвольно я веду свою игру.
Ошибки старые терзать не перестали,
и дальше — верно ли дорогу изберу?

В чем жизни смысл? Мы все искать устали.
Бездомный, одиноко я умру.
И дрожь меня берет при виде стали.

1918

ANNO DOMINI MCMXIV[3]

Поля сгубил нещадный зной.
В жару, в бреду был шар земной.
По обгорелым нивам голым
шел засухи близнец:
шел голод.

Суля приход поры ужасной,
померкло солнце в полдень ясный,
звезда хвостатая взошла...
И ужас
людей объял, на мир обрушась.

Народы умоляли небо:
дорогу преградить войне бы!
Да где там! Туго на вселенной
затянут был хомут военный!

И «homo sapiens»,[4] теряя разум,
косил налитым кровью глазом,
клейменный Каина печатью
дикарь при галстуке и в платье.

Культура — маска. Прочь святыни!
Разнузданы инстинкты ныне.
Звериным воем выли бомбы
и порождали гекатомбы.[5]

Не рукопашной в наши годы
решает споры «царь природы»:
на двух ногах стоять не смея,
на брюхе люди поползли, как змеи.

А с неба в них дракон стальноголовый
метал огонь и град свинцовый,
испепеляя без разбора
дворцы, лачуги и соборы.

И только изнасилованной смех,
безумный смех звучал, пугая всех.
Убийцы по земле ползли впотьмах,
и все кружил стервятник в небесах . . .

1915

Из книги

«CARMINA BARBATA»

1921

ПРОЛОГ

Наш век похож на пивовара волосатого.
Мой желчный чан — хмельных брожений русло.
Через соломинку цедить я должен это сусло,
ведь я не шимпанзе, а только брат его,
хотя, признаться, если в клетке тесной
меня показывать, то неизвестно,
кто из двоих сочтет меня своим:
горилла или нежный херувим.

В наш век плеть голода на площадь гонит массы,
где пулемет дробит людские кости,
в крови восставших гасят факелы народной злости,
пока всевышний корчит сладкие гримасы.
Вновь торжествуют штык, тюрьма и голод,
вновь паровой грохочет молот
и в сотни труб рычат заводы снова
предсмертным хриплым воем пса цепного.

В наш век ревет пропеллер бронтозавром,
и тьму полночную сечет прожектор,
и целится в Ахилла мертвый Гектор,[6]
и бочкой пороха не нынче — завтра
взорваться мир готов, готов зажечься
и в прах развеять зданье человечества.
Кто в прошлом пел о звездах, в настоящем
заворожен лишь фитилем горящим.

Земля сгорит, уступит место мраку,
погибнет небо, суша, океан
и весь божественный небесный клан.
Такой конец нам предсказал оракул.
Селитру с серою исторгнет кратер,
и в кровь растопчут нашу alma mater [7]
копыта рыжего быка,
который солнце вскинет на рога.

Кипящей кровью обагрить бы факел
и начертать им огненные знаки,
воспеть эпоху новую, свободную,
а старой душной жизни спеть отходную.
Будь, стих мой, грузным и несоразмерным,
подобно обитателям пещерным!
Будь первобытным, как Махабхарата [8],
мой новый эпос — Carmina barbata! [9]

1920

ДЕКОРАЦИЯ «ПИКОВОЙ ДАМЫ»

Петра и Павла золотится шпиль.
Открыточно-сусален неба стиль.

Легчайших облаков лиловая черта
подчеркнуто чиста,
как вены на изящной женской ручке
прозрачны тучки.

По розовому серыми мазками
наносит вечер легкий сумрак свой.
Но все еще над сонною Невой
гуляют дамы с господами.

Здесь в колоннадах царские дворцы,
мерцают стекла галереи над каналом,
а за Невой, под шпилем алым,
чернеют крепостной стены зубцы.

Звонят куранты с херувимом. Все слышнее
напев хорала. Звон хрустально чист...
Но вдруг камаринскую грянул гармонист
и пляшут парни под дворцовой галереей.

По декорациям тут «Пиковая дама»,
но вдруг на сцену выступил народ.
Тут Революция февральская идет,
по улицам идет она упрямо.

НОКТЮРН 1918

Прожектора лучи
ломались, точно хрупкие мечи,
о небо темно-синее, осеннее.
Мой лоб горячий ощутил прикосновение
ветров холодных,
синими губами
доцеловавших рощи догола.
Такая тишина вокруг плыла,
что шаг мой мерный
как молот в наковальню бил.
Во тьму, кромешней тьмы могил,
лишь кое-где из окон падал свет неверный.

Зато сверкали звезды: так в огне
железные опилки сыплют искры.
Через большой пустырь шагал я быстро,
и тут голодный пес пристал ко мне.
Хозяина с ним нет; не потому ли,
что скошен за углом шальною пулей?

Над головой — шрапнели злобный свист
и небосвод разрывами распорот.
И пулемет застрекотал, речист. . .
Война гражданская на город
обрушила железный хлыст.

НА ПОРОГЕ ТРИДЦАТИЛЕТИЯ

Дожив до тридцати годов,
решил я сбросить котурны,
сжечь своих прежних богов
и пепел развеять из мраморной урны.
Решил я: настало время
новой отдаться теме.

Те, чья кровь еще пенится бурно,
носят в кармане заряженный кольт.
А у меня в каморке горят 220 вольт;
тут сердце, заросшее диким мясом,
я прижигаю иронии ляписом.

Я знаю — во мне сокрыты
Франциск Ассизский [10]
и Великий Инквизитор [11],
я воплощенный Брут [12]
и Гелиогабал! [13]
Хоть, впрочем, я совсем не так неистов
и разогнал бы не всех министров,
а только нескольких тузов,
что кризис затянули
и в нудные пустились пререкания
из-за поста премьера.
Я завершил бы разом их карьеру:
в конюшню их, к ослам в компанию!

Как женщина на сносях,
что чувствует под сердцем
движенье новой жизни,
так чувствую и я в мозгу своем
идей высоких зарожденье
и солнечных систем возникновенье.

КАРАЮЩИЙ

Сын Яана и Малле,
я есмь Аугуст Алле,
моллюск у земли на шкуре...
Но в преддверье суровой бури
я караю пером своим огненным
низость ваших черных деяний,
хватаю жулье за жирные длани!

В трубы трубя и стуча в барабаны,
создали всюду вы банки, конторы,
рады вы всяческой подлости, воры!
Вьются над братской могилой бураны,
грязь ваших душ мне видна сквозь покровы...
Молнией грозной сверкни, мое слово,
будто багровое знамя!

«Надежда на Льва и Единорога!»[14]
Просите их помощи у бога,
когда вдруг застрекочет с колокольни
веселый, беспощадный пулемет
и гнев мой, словно плеть, ударит больно,
до кости ваше мясо рассечет!

Я заслоню скалой кроваво-красной
двери в склеп покойника живого.
Нет, он не воскреснет... Громогласно
вам я вещаю, хотя и знаю:
как звезда, в сердцах прогнивших гаснет
из огня иссеченное слово!

Аз караю пером своим огненным
низость ваших черных деяний,
хватаю жулье за жирные длани
я, сын Яана и Малле,

Аугуст Алле!

1921

ДЕНЬ ЭСТОНИИ

О чем же мы мечтаем, обреченные?
О том, что новый день в Эстонии
настанет после нас.

Г. Суйтс

Смотрю, как партии помои возят,
впрягая «интересы государства»,
как всякие начальнички дерутся,
желая заслужить авто. . . ах, нет! —
авторитет премьера,
и думаю:
так значит, вот в чем суть
самостоятельной и независимой Эстонии!

Самостоятельность? Зачем?
Чтоб в генералы вылезти, в министры?
Одним лишь утешением нам служат
в истории правительств, севших в лужу,
«прославленных» имен регистры.

Ни к чему высоко вознесенные своды
над мешками с искусственным удобрением.
Здесь и так, словно крысы, плодится порода
приспособленцев бесстыжих,
карьеристов, подлиз и выжиг,
сдающих в аренду свои убеждения. . .
Но стоят наготове похоронные дроги
для искусства и литературы
на этой дороге
самостоятельности.

1921

ЭПИЛОГ

Песней оплатил я долю долга.
Эта песня
вся в крови, как меч помятый;
и слова, и строки эти долго
клокотали.
Душу мне и сердце
разрывали
рифм и ритмов дробные раскаты.

Век наш
пламенем горит над нами,
и стихи гудят души колоколами.
Словно пальма
посреди пустыни жизни,
встала сага
о рабочих, о моих с тобою братьях,
чья рука стальная
с красным флагом,
чья отвага
тирании сбросила проклятье.

Я бреду под вражьим небом,
нелюдим.
Сердце тронуто
дыханьем ледяным.
Я, как раненая птица,
уязвим.
Уследить за мной стремится
сотня звезд жестокой ночи,
как глазищи злые волчьи.

Весь в крови наряд зимы,
но гремят фанфар раскаты.
Это пир в разгар чумы,
рухнул жизни мост горбатый.
Над домами, надо мной
месяц молодой
окровавленным осколком гранаты.

Из поэмы

«ПЕСНЯ О ГОЛУБОМ ПЛАТЬЕ И РОЗОВОЙ ЮБКЕ»

1925

ПЕСНЯ О ГОЛУБОМ ПЛАТЬЕ И РОЗОВОЙ ЮБКЕ

(Из поэмы)

I

Та — в платье голубом, та — в юбке розовой...
Кто мне милей? Я выбор сделать должен,
а обе так прелестны, так пригожи,
и в платье голубом, и в юбке розовой...
Блаженней был бы мой удел, быть может,
когда бы жил я, как монах, один,
при всех соблазнах восклицая: «Боже!»,
молился б троице и спал на жестком ложе...
Их две: та в голубом, а эта в розовом.
Ах, сердце юное, скажи мне — отчего же
ты плавишься в груди, как маргарин?

. . . . . .

Вновь серый ворон в вихре непогод
крылами тяжко машет против ветра.
И я таков: мне клетка крылья жмет!
По ветру — вздор, я только против ветра
люблю пускаться в дерзостный полет.
Но сердце, словно ветхие часы,
промедлило с очередным ударом:
мечта о розовом развеялась угаром
и к голубому клонятся весы.
Вот почему и голубое платье
я заключаю в рифму, как в объятья!

II

В тот год на севере цвела весна двойная,
такое люди видели впервые:
и гнет зимы, и царский гнет сметая,
развеяли тогда ветров порывы
все тучи, все невзгоды вековые.
Мы ту весну запомним, как начало
эпохи новой, эры небывалой.
Повсюду мы встречали перемены:
не красил город, словно проститутка,
свое лицо — ограды, крыши, стены.
Он выглядел подчас довольно жутко,
платя за вольность дорогую цену.

Тем странным летом дворник и разносчик,
и грузчик, и кухарка, и извозчик —
все проявляли интерес к политике
и подвергали власть суровой критике.
Тут сам Онегин от своей апатии
сумел бы отрешиться, как и мы,
заспорил бы о тайной дипломатии,
о косной, как и прежде, бюрократии...
Вспахала революция умы.
«Мир! Хлеб!» — рабочий требовал по праву,
но разве убедишь господ ораву,
которой мысль о мире не по нраву?
Пускай растут повсюду трупов горы —
поживы ждут банкиры, мародеры,
доход им нужен от кровавой бани.
Но рушится оплот гнилой эпохи,
своих миллионов не спасут пройдохи —
вот отчего отчаянье в их стане!
Гроза близка, все яростней накал,
все выше и грознее напряженье.
Завод, казарма — все пришло в движенье:
нет больше сил терпеть — народ устал!

В гранит упершись пятками стальными,
мост-великан согнулся, как дуга,
и каменными плитами крутыми
грязно-лиловые одеты берега.
Два лагеря разделены Невою:
на островах, на Выборгской — народ,
на Невском же — Керенского оплот,
и оба лагеря готовы к бою.
Толпа на Невском засмеет рабочего,
как только он митинговать начнет;
на островах освистан будет тот,
в чьей речи правда бедных опорочена:
оратора — за шиворот, и прочь его!
И всех кляня — не вслух, а про себя,
цепочку золотую нервно теребя,
мобилизуя всю свою отвагу,
пузан почтет за лучшее — дать тягу!

И днем и ночью, всюду те же битвы —
решает споры нынче сам народ.
И реплики толпы острее бритвы,
в них боль и гнев, и град презлых острот.
Ораторами столько благ сулится
на уличном собранье, на фабричном,
что и рабочий зажил бы отлично,
когда б сбылась хоть малая частица.

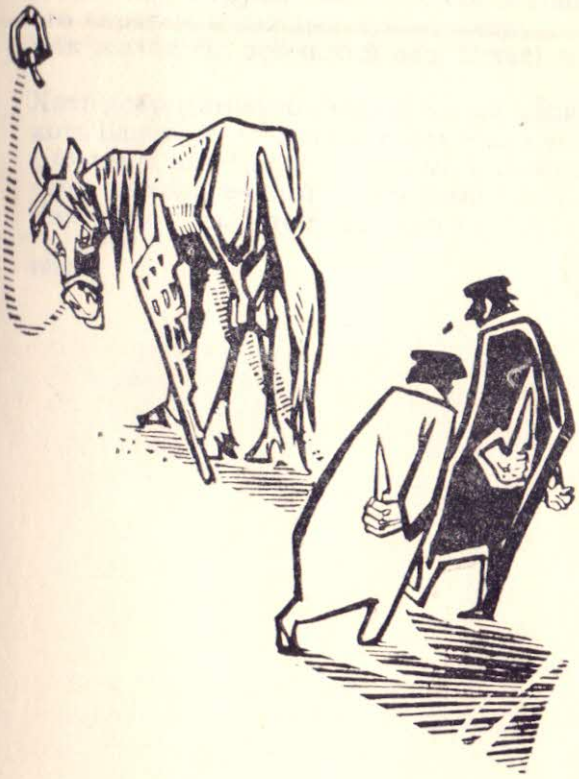
Нет платья голубого, юбки розовой —
сидят, наверно, с удочкой над Летой,[15]
и боль зубная в сердце у поэта
затихла под напором шторма грозного.
Все кануло в стремительный поток —
лишь ночь иную вспомнишь, и рывок,
да лопнувший девичий поясок...
Пришла пора совсем других горений,
мой челн — в открытом море дерзновений.
Под небом, что зажглось зарею новой,
нет места для терзания былого!

Среди грозой разбитого старья
идет свободы юная богиня.
Веселая, как вешняя заря,
порядок свой она заводит ныне.
И столько чувств растет в груди, горя,
что рвусь на улицу, готов идти с народом
великим, героическим походом!
Когда зажгла свой факел революция,
не время петь про шорох дамских юбок!
С рабочим вместе пью победы кубок,
лишь о восстании сегодня песни льются!

Я славлю вихрь, в который вовлечен,
жестокий праздник революционный!
Взметнулись в небо красные знамена,
палач — на смерть, на петлю обречен.
Веками господа держали вожжи
и надрывались наши деды и отцы.
Но зашатались царские дворцы,
низвергнут с трона «милостию божьей»!
Сумели пролетарий и солдат
свалить союз царя с владыкой неба.
Попу сидеть приходится без хлеба —
теперь богам лишь порохом кадят.
Кому, как псу, что язвы Лазаря [16] зализывал,
богатый бросить кость порой изволил,
кому привычны на руках кровавые мозоли, —
оружие хватай, не бойся вызова!
Сожми рукою горло капитала,
переломи стальной хребет ему.
И если знамени ты верен своему —
ты победишь Молоха и Ваала.[17]
Пусть многие на смерть обречены,
но враг падет! Друзья, в победу верьте!
В огне гражданской праведной войны
пусть хватит мужества: оно сильнее смерти!
Металл безжалостен, и тиф не пощадит
отцов и сыновей, родных и милых.
Но святы эти братские могилы
и слава вечная погибших осенит!

ИЗ ЭПИГРАММ

1917—1926



ВЫХОЛОЩЕННЫЙ ПЕГАС [18]

На всем Олимпе сыщется едва ли
невзрачней конь, чем жалкий наш Пегас.
Он пил чернила из ведра морали,
на нем скопцы-поэты выезжали.
Как жалок ты, эстонский наш Пегас!

На мызе пасторской он бодро ржал в загоне,
но выхолощен был в недобрый час.
В тележку с грузом восхваления Эстонии
его впрягли, и каждый лупит, гонит. . .
Как жалок ты, эстонский наш Пегас!

Хоть добродетельно-умерен тощий мерин,
хоть Ванемуйне [19]-меценат был в нем уверен,
с Олимпа изгнан он: увы, уныл и скверен
стих, выхолощенный в недобрый час! . .
Как жалок ты, эстонский наш Пегас!

1917

FUROR TEUTONICUS,
ИЛИ НЕИСТОВСТВО ТЕВТОНОВ

In memoriam maledictam anno Domini MCMXVIII[20]

Сдвинем бокалы под звон похоронный:
в пекло тевтоны взяты чертями!
Просят грехов отпущенья бароны,
лижет копыта их адское пламя!

Все недобитые в Марне потонут пусть...
Вот эпитафия, изверг постылый:
«Pereat sub Jove Furor Teutonicus!»[21]
Вбить бы осиновый кол в их могилы!

1918

ФУТУРИСТИЧЕСКИЙ «ЛЕТАЮЩИЙ БЫЧОК»

Спятил ты, бодливый дурачок,
наш футуристический бычок.
Знахаря зови иль помощь скорую:
может, вылечат скотинку хворую!

1920

ГОСУДАРСТВЕННОЕ СОБРАНИЕ [22]

Дом в заплатах — наше вече,
а в нем девяносто семь овечек.
На все Государственное собрание
лишь три головы, да и те... бараньи!

1921

МЕЛАНХОЛИЧЕСКИЙ ПЬЕРО

Звезд-конфетти небеса полны.
Пудра на милом лице луны,
луны, что глядит девицей блудливой,
тучки, как веер, раскрыв игриво.
Бедный Пьеро поник на перила,
в реку уставясь, икнул уныло.
Бледный, как призрак, взглянул вослед;
тихо всплеснулась вода в ответ...
Падать и гибнуть — затея пуста.
Лучше дремать на перилах моста.
Сыт он по горло жратвою и винами,
муками ревности и Коломбинами.

1919

СКУЛЬПТОР

Долой Грецию!

На словах
высекал из бронзы и гранита,
чугуна, железа, доломита.

А на деле:
пусть другие гнут над камнем спины.
Нахалтурю что-нибудь из глины!

1920

FILIAE PATRIAE,

ИЛИ КОРПОРАЦИЯ «ДОЧЕРИ ОТЕЧЕСТВА»

Дочки стеки взяли в руки, ходят в шапках
пестрых,
а отцу — земля подруга и русалки сестры.
Он — мужик и сын природы — тянется к
культуре.
Дочкам — декель [23] корпорантский больше по
натуре.
Шейте чепчики, стегайте, дуры, одеяла,
ведь петрушек балаганных и без вас немало!

1921

МОЛОДЫЕ, ДА РАННИЕ

До гроба в «начинающих» бездарный эпигон:
за молодость от критиков укрыться может он.
Коль молодость — единственный неоспоримый
дар,
ее вовсю используют, чтоб сбыть гнилой товар.

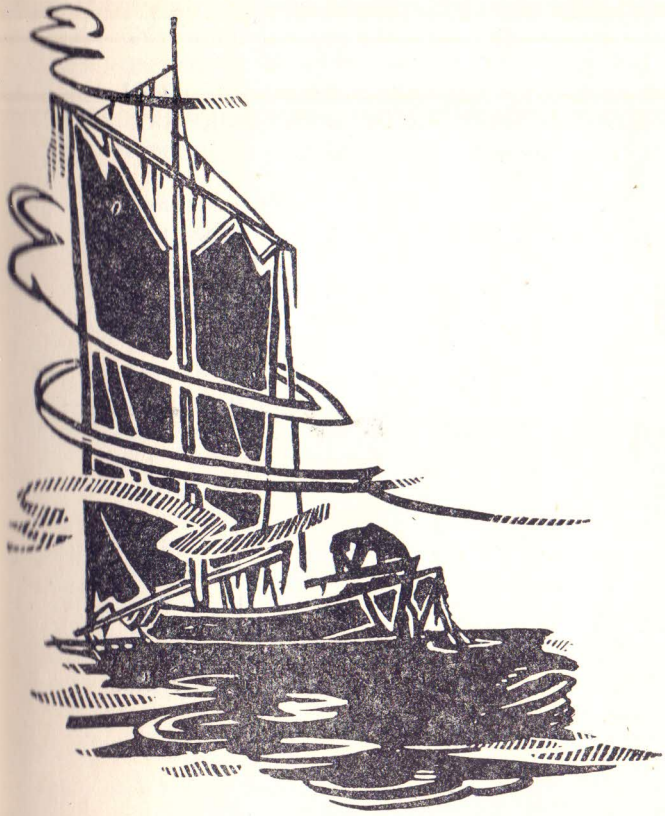
Из молодых, да ранний! Багаж идейный твой —
идея подобраться к кормушке со жратвой!

1926

Из книги

«МЕРТВАЯ ЗЫБЬ»

1930



МЕРТВЫЕ ВОДЫ

I

Омертвела и застыла
зыбь немая мутных вод.
Корабли в тенетах ила.
Ветер залететь не в силах
под враждебный небосвод.

Тут, как в луже, как в канаве,
загустев, вода цветет.
Небо́ тяжелеет, давит,
с каждым днем оно все ниже,
к мутным водам ближе, ближе.

Только изредка волна,
как тюлень, плеснет несмело,
но подкатится она
под корабль заплесневелый —
вновь сгустится тишина.

Ты напрасно, корабельщик,
у руля изнемогаешь:
слизняков не распугаешь,
не уйти тебе из плена
через их живую стену.

Что? На ветер ты в надежде?
Посмотри на мачты прежде,
где годами виснет парус.
Нет, не парус!
Тяжесть мертвых вод впитал он
и недвижен. Это — саван!

II

Здесь недвижен смрадный воздух,
плесневеет жизни судно.
Пропадает в мутных водах
корабельщик; изнемогший
от своей тяжелой ноши —
от судьбы безмерно трудной.

Хоть бы зарева отсветы
в липкой плесени и тине
осветили судно это!
Хоть бы ветер ураганный
разогнал, унес туманы,
приоткрыл полоску сини! . .

Руль, в густом увязший иле,
замер, с ним не стоит биться..
Звуки гаснут, как в могиле,
даже не успев родиться.
Все восторги, все порывы
душит кто-то молчаливый.

В тине серой, непролазной,
мозг забылся сном глубоким.
И высоковольтным током
не пробить трясины грязной.
Лишь двуличным земноводным
в тине дышится свободно.

III

Где ты, берег мой далекий?
Я твоих не вижу линий.
Не взлететь мечте высоко,
недоступен остров синий.

Не ищи к нему дорогу,
не рассчитывай на чудо!
Журавли одни лишь могут
вырваться, уйти отсюда.

С кликом в небо голубое
улетает клин их светлый.
. . . Будь бы деревце какое —
привязать веревку с петлей!

Я отравлен. Взбухли вены,
и тоска все беспробудней.
Хоть бы клочья белой пены
ветер взбил на черном студне!

Капля радужная, брызни,
принеси хоть искру света,
чтоб на миг забыть, что жизни
в этих мертвых водах нету.

1930

ТРЕВОГА

Ветер промозглой осени
вымел площади города,
мечется и беснуется,
в лица сыплет колючие
ледяные опилки.
Через Тоомпеа,[24] вдоль по улицам
важно шествуют власть имущие.
Лица их отупели:
скукой набиты мозги и портфели,
а кстати, и души.

Люди важные,
разве не видите вы —
стало сумрачней небо наше
и нависло ниже, чем раньше?
Разве вам не заметно,
что воздуха нам не хватает
и уже подступает удушье?

Тумана тлетворного
влажные пальцы
горло нам сжали.
В извилины мозга туман вливается,
сердце жалит.
В мозгу и в крови отрава,
и груз на душе так тяжел,
что нас подчас убивает
самый ничтожный укол.

Люди важные,
разве не видите вы,
что в затонах реки Эмайыги
отупенье как плесень цветет?
Разве вам не заметно,
как сдавлена грудь
и как трудно уснуть
из-за дум безответных?

1930

ОСЕННЕЙ НОЧЬЮ

В небе звезды мерцают осенние,
как тысяч свечей отраженье
в серебре потускневших зеркал
опустевшего барского дома.
Вдоль дороги знакомой
елки машут руками,
встречая порыв ветерка.
Словно стая серебряных мошек
легкий иней кой-где засверкал.
Громко фыркает лошадь.

И вот — ты уходишь. Чужая.
Имя твое, заглушая,
уносит ветер осенний.
Куда и к кому уносит?
Угадаешь ли ты волненье
в безмолвном моем вопросе?

Нам сегодня в телеге тесно,
кто-то третий, быть может, влез к нам?
Высохли в горле слова. . .
Но, думы смахнув с разбега,
быстрей понеслась телега,
и спутница, повеселев,
замурлыкала модный напев,
лепестки у цветка обрывая.

Там, за голыми полями,
дом веселый затерялся,
где аккордеон старался
и гремел органа громче,
где от пляски сотрясался
пол под пьяными ногами,
пыль кружилась и качался
потолок над плясунами. . .
Ах, какой чудесный вечер!

С грудью — грудь, с плечами — плечи,
в танце жалось тело к телу,
страсть животная кипела,
ноздри хищно раздувались,
градом пот катил по лицам.
Парочки в саду скрывались
и визжали там девицы:
то за ляжки, то за груди
пьяные самцы хватали —
дал создатель руки людям! . .

А теперь — как горько, как холодно нам
прикасаться губами к губам!
«Будь счастлив». «И ты». «До свиданья».
Так неискренне это прощанье,
такие пустые слова. . .
Из вагона кивнула ты мне головой.
Я запомнить пытался облик твой,
но поезд украл и его.

Вожжи брошены.
Повисла узда.
Медленно еду на огонек.
Дома буду теперь уже скоро я. . .
В небе гаснет звезда,
и рассвет недалек.
Сердце ноет слегка,
как собака, которая
потеряла щенка.

1930

В СЕРЫЙ ЧАС

I

Все в этот серый час
так странно,
словно ты смотришь на мир
чужими глазами.

Лохматые тучи
пробегают по небу,
странно похожие
на индюков
с раздутыми ветром хвостами.

Раздетая яблоня
в воздухе машет
остатками листьев;
так продрогший торгаш
трясет за прилавком
озябшими пальцами.

А ветер беснуется,
воет как зверь.
Град стучится в окошко
когтями холодными.

Сквозь остывшие стекла
к потолку пробиваются
обрывки зари;
но в саду уже сумерки.
Вечер тягостно долог.
Сумрак осени
лег, словно полог.

II

Заря сгорает
над лесом черным,
и чуть мерцает
свет сиротливый
свечи пугливой —
звезда зажглась.

Сухие ветви
в окно грозятся,
как будто это
кривые лапы
тянет паук.
Уснули звуки,
и лишь часы,
как странный жук,
шуршат в тиши.

Все, все дневное
притихло где-то...
Что ж сердце ноет?
Оно задето
звезды далекой
грустным светом?

1930

ЖНЕЦ

Луна, выплывая из темноты
волшебной ладьею,
блестит над землею.
Сады безмолвны и пусты,
и околдованы кусты.

Не дрогнул лист
и не хрустнул песок,
но кто-то, словно серая тень,
скользнул под уснувших деревьев сень.
Пришелец холоден, жесток,
принес он иней в волосах,
и листья вяли на кустах.
К цветам притихшим он шагнул,
и серп в руках его блеснул.

Ах, лютый жнец, лютый жнец,
ужасен твой тяжелый взгляд,
он холодней, чем снег и град.
Везде, куда ни глянешь ты,
сворачиваются листы.
В твоем дыхании — мороз,
ты сочным травам смерть принес.

Помедли, жнец, лютый жнец!
Скажи — за что твой страшный взгляд
готов сгубить осенний сад?
Убор зеленый пощади,
в трясины топкие уйди!
Пускай твой острый серп уснет
в угрюмой ржавчине болот...

Не сон ли?
Но придет рассвет —
поймешь: не сон был это, нет!
Увидишь страшной ночи след:
над белой, мертвенной травой
цветы поникли головой.
Жестокий жнец ушел во тьму,
но жатва удалась ему.

Луна, выплывая из темноты
волшебною ладьею,
блестит над землею.
Сады безмолвны и пусты,
и околдованы кусты.

1930

Из книги

«СУРОВЫЕ РИТМЫ»

1934

ЗИМОВЬЕ

Словно шар воздушный, солнце зимнее
колышется над зубцами бора,
запуталось в серебряном инее
и на снег опустится скоро.
Но мир еще полон света:
каждый сугроб волшебно лучится.
Сверканье чудесное это,
как в детстве далеком, меня околдовывает:
хватаю добычу холодную,
мечу горстями снежинки-искры.

Рядом жеребенок резвится,
валится на бегу,
воздух лягает копытцами.
Вскочив, отряхнется и, полон задора веселого,
мчится вновь, запрокинув голову...
А вот я даже в чистом снегу
ни стереть, ни стряхнуть не могу
ни тоски, ни заботы,
ни грязи, налипшей за годы.
Жеребенку я так завидую!

На дороге лесной, где-то вдали,
проскрипели-проехали сани.
Бубенцы под дугой перезвон завели.
Разносит гулкое эхо
колокольчики женского смеха...
И так задорно это воркование,
что рвусь к нему по-юношески лихо!..
Но все темнее лес в сугробах рыхлых.
И в комнате моей темно и тихо.
Ловлю себя на том, что говорю с собой.

Дотлевает зимнего дня огарок,
бледен, неярок,
чадит, еле-еле горя.

Руки скрестив на груди, умирает заря.
Молчаливая черная ночь близка,
сердце мое у молчанья в тисках.
В саду деревьев синие тени
движутся, жуткие, как привиденья.
В каждом окне у меня соглядатаи:
луны зеленоватые.

Вьюга под утро мчится во двор
на коне белогривом.
Щелкает мерзлым бичом торопливо,
с посвистом скачет во весь опор,
в окна и двери стучится хлестко,
крышу царапает лапой жесткой.
Чуждый, угрюмый, как вьюги вой,
дом содрогается точно живой.
Дом? Или это корабль разбитый,
брошенный в ночь волной ледовитой?

1933

ПРЕДМЕСТЬЕ

I

Серо-желтые ограды,
неказистые постройки.
Едкость кухонного чада,
вонь из хлева и с помойки.
Сколотил домовладелец
ящики, а не дома.
И во всех народу — тьма.

Ящики прикрыты толем. . .
Крыша есть — чего же боле?
Как под пнем растут грибы
(жить одним им непосильно),
так под городом обильно
множатся дома-гробы.
Только тут наоборот:
город сок из них сосет!

До горбатой крыши склада
дотянувшись через силу,
скупо освещает солнце,
как открытую могилу,
тесный двор; и сквозь оконце
заглянуть в подвал стремится.
Птица в клетке солнцу рада:
луч, как золотая мышь,
прокрадется в сумрак, в тишь,
и зальется песней птица.

Тут сапожник проживает,
часто этот весельчак
выручку несет в кабак,
а потом не попадает
в собственную дверь, чудак!

Долго заполночь тут слышен
крик буяна, плач ребячий.
Лишь под утро станет тише,
храп раздастся: не иначе,
хмель из горлодера вышел.

Утром сплетницы судачат,
дом надолго взбаламучен.
В кухне женщины собьются,
у любой язык колючий,
подвернись им только случай,
спорят, шепчутся, горланят —
ну, поистине парламент:
«Он в уме ли? Где он был?
Чем он бил? За что он бил?..»
И горит в кастрюлях пища..

Так петух свой день проводит,
роясь в мусоре прилежно,
и когда зерно находит,
кур-подруг сзывает нежно,
с кем бы поделиться ищет...

Детворы здесь много-много,
тощей, грязной, босоногой,
между серых стен зажатой.

Этот катит по дороге
ржавый обруч. У другого
старый мячик, весь в заплатах.
Тот по старой гильзе медной
лупит камнем что есть духу.
И на них сквозь щель в заборе
все глядит заморыш бледный,
теребя больное ухо.

Нет, нужда — большое горе,
бесполезно с этим спорить.
И предместью не по силам
от нужды освободиться.

Это видно по унылым,
истощенным детским лицам.
Вечное недоеданье,
и болезни, и страданья
тенью обвели глаза их.
Дети блекнут, угасая
в золотухе и рахите.
Видно ангелы-хранители
бедных плохо охраняют. . .

1931

II

Эмайыги от предместья
к озеру течет лениво,
извиваясь прихотливо.
На песочек, где почище,
лодки выползли, подобны
черепахам допотопным:
греют глянцевые днища,
чтоб смола засохла прочно.
Воздух полон русской сочной
незлобивой матерщины.

В дополнение картины
морячки вокруг снуют.
Правда, нету моря тут,
но на озере — граница,
флот на Пейпси[25] пригодится:
нынче можно возле Тарту
нацепить значки, кокарду,
гордость флотскую — штаны
с добрый парус ширины.
Вешний ветер, дуй щедрей,
над озерным флотом рей!

Тут, с гражданскими бок о́ бок,
кораблей военных много.
Ветер вьет, врагам на страх,
вымпела о трех щенках,[26]
а в сторонке веселится
на барже, в бельишке пестром,
треплет русские рубахи,
что развешаны сушиться,
и разносит запах острый:
рядом, на землечерпалке,
борт смолят и красят балки.

А воскресный день придет —
всех к себе лужок зовет,
где травинки лезут бойко.
Граммофон хрипит, орет,
все к чертям, идет попойка!
Грустен лишь портной ревнивый —
в стороне, под старой ивой,
тростью челюсть подперев,
весь — живой укор и гнев,
он вздыхает: «Ах, Розалия!»
Та — кудрява, белокура,
расцветает, как азалия,
в буйной пляске озорной...
Ей сапожник строит куры,
обеднел ее портной!

Там, где крендель над витриной,
морячок шагает чинно.
Всей душой к нему стремится
ангелок приятнолицый:
краски слой с любого бока,
так вот яхты красят в доках!
Морячок твердит лишь фразу:
«Ну, пошли!» — «Нельзя же сразу...»
Грубо он ее хватает;
ангел шепчет: «Кавалер мой!»
Им объятья раскрывает
дверь под вывеской «Палермо»...

Рядом — пайка и полуда,
чинит всякую посуду
мастер Шойсс из года в год.
С ним сынок его живет:
шустроглазый и курчавый,
сын глядит на мир лукаво,
от судьбы чего-то ждет.
А когда приходит ша́баш,
все соседки смотрят — бабы ж! —
как в вечернем полумраке

Шойсс выходит в лапсердаке,
перечтя ступеньки тростью
с подлинной слоновой костью.

Если теплый дождик лета
хлещет по камням прогретым,
дети шумною оравой
бойко мчатся вдоль канавы
за корабликом бумажным.
И тайком мечтает каждый:
вдаль умчаться бы, не близко! . .

Жизнь у них идет обочиной.
Солнце их спустилось низко
и не в силах приподняться.
Корни юности бедняцкой
чахнут здесь, в канаве сточной.

1932, весна.

ГРОТЕСК

С той поры, как у Родопис[27] туфелька свалилась,
все давным-давно переменилось.
(Нынче спросят, мифы позабыв:
— Как? Родопис? Гёрл или барменша?)
Да и что уж тут античный миф —
до стихов охотников все меньше,
многим скучен старомодный вздор!
Нынче люди без ума от спорта,
в моде гул и гром аэропорта,
в стратосферу рвущийся мотор.

Солнце, вечером за камень улиц сваленное,
покатилось, словно окровавленная
голова Людовика [28] на эшафоте...
Было: марсельезою звеня,
улицы в знаменах алых рдели,
гимны молодой свободе пели.
Сон сбывался там средь бела дня:
человек стал человеку братом,
барин видел друга в санкюлоте.
Марсельеза, ты была крылата!

Времена великого броженья,
что осталось в памяти от вас?
Отголоски ярких мыслей, фраз
да знамен пунцовых отраженье.
Правда, двухголовый сдох орел,
но теперь сидит у нас на шее
младший брат его, еще тупей и злее.
(Кубьяс [29] «из своих» — не меньшее из зол.)
Мыльным пузырем исчезли грезы.
Вновь конюшни Авгия [30] полны навоза.
Вычистить? Ты что, с ума сошел?

Краснолицым варщиком асфальта
солнце на ночлег ползет к домам окраин,

толевые кровли пересчитывая.
Позабылось даже — был ли шквал-то?
Нынче каждый «сам себе хозяин»
у себя в дому, где, слов не тратя,
богатеют на руку нечистые
чужеземный агент и предатель. . .
(Если прочим подвело живот —
соску оптимизма сунут в рот!)

Солнце с неба скрылось, за забор ушло.
(Эх, заткнуть бы рупор граммофона,
что в чужом окне визжит неугомонно,
потчуя гавайским укулеле![31])
В «Постилехт», вечерней газетенке,
ликованье: вновь подешевели
модное витринное стекло
да тройные цепи для быков. . .
Дни за днями сотни языков
угощают оптимизмом звонким.

Юбилеи — сутки напролет,
и взахлеб звучит рассказ по радио
о различных торжествах с речами длинными
и с банкетами, невинными и винными
(слушаешь — под ложечкой сосет!).
Пышных царских праздников шумиху
переплюнуть мы сумели лихо.
Марширует храбрый дон Парадио,
дует в трубы, в барабаны бьет,
оптимизмом потчует народ.

1933

СУРОВЫЕ РИТМЫ

I

Ой, зачем ты, чудак-виршетокарь,
зря блудодействуешь с музами?
Выточил рифмы, как лезвия,
да в искренних строчках
расставил по книжке?
Нет, народу чтоб в головы лезли,
гвозди нужны железные —
не рифмишки!

Народ охмеляют рубашками, блузами —
черными, зелеными, коричневыми,
парадами, маршами прилипчивыми:
«Пусть марширует народ
в блузах своих и беретах!
Лучше, храбрей его — нету!
А жив человек не хлебом единым,
народу забавы необходимы:
позвольте играть в оловянных солдатиков,
разрешите носить дубинки
или просто дубины —
что кому больше нравится. . .»

Народ обольщают флагами, вывесками,
шествиями увеселительными,
богослужениями умилительными
да наскоро тиснутыми
портретами вождей с челюстями стиснутыми,
что смотрят из рам, как бульдоги:
чуть глянут в лицо —
ты — гроги [32];
они посильнее, чем Калев [33],
восставший из мертвецов.

Можно людей застращать
дубинами, газом слезоточивым.
Можно велеречиво
молочные реки толпе обещать.
Обещайте побольше веселого,
пусть закружатся головы —
микрофон не краснеет!
Репродукторы круглые сутки
сыплют фюрера нового шутки,
одевают в надежды голого,
обещания сеют.

А смутьяну, который идет
первым в схватке горячей,
грудью пули встречая,
тому, кто смел и отчаян,
затыкают наглухо рот:
«Молчать! Меньше слов!»
И гнусные сплетни, в злобе собачьей
высунув языки,
к нему крадутся из-за углов.

1934

II

Даже странно:
ведь есть, как-никак,
Лига наций и Пан-Европа. . .[34]
Но легенда о новом мире,
где народ народу — брат,
словно в эре былой звучала,
тысячи лет назад.
Только бледная тень Бриана[35]
в царстве мертвых по старому следу
иногда забредает в Женеву[36],
где ведут господа беседы.
А пещерные силы не спят:
Гитлер точит топор на соседа,
чтоб наследовать силой во вдовьей квартире
все добро — и вдову, и пиджак.

Воцаряется в мире
коричнево-желтый мрак.

«Харакири,
харакири!» —
рычит на востоке Араки[37],
коричневого Гитлера желтый брат.
«Острова наши нам тесны!
Жаждем крови, жаждем войны!»
Мир бряцает оружием глухо,
на подмостках — опасный фарс.
Ангел мира стал потаскухой,
Гитлер вдруг возомнил, что он Марс[38].
Детям соской — противогазы.
В строй, беременные, тверже шаг!
Лишь бы только хватило экстаза -
Унтер идолом станет сразу! . .

Воцаряется в мире
коричнево-желтый мрак. . .

1934

КОМЕТА СВАСТИКИ

Слушай, надолго ли это,
скажи, своевольный поэт, —
свастики ржавой комета
вполнеба затмила свет?
Петлей захлестнуто слово
злодеями без стыда.
В безумстве на все готова
насильников наглых орда.
Идеи дегенерата
вводят под кожу шприцем...

«Хайль! Выше лапы, ребята!»
Лихо сегодня хрипится
сотням тысяч радиоглоток!
У микрофона сам Заратустра
неандертальский [39] стоустый:
«Homo homini lupus est».[40]
Хайль! В восторге окрест
осел, профессор и нищий:
клике сильных работа знакома,
все вокруг обеспечены пищей —
избирательных бюллетеней соломой [41].

Хайль! Выше лапы!
Разнуздывай страсти животные!
Пусть наемник с противогазом
море крови пройдет на понтоне из черепов.
Все растопчет немецкий каблук добротный.
Горе слабым!
Малые страны проглотим разом!
Хайль! Фюрера славьте вы, которые...
Горе всем побежденным,
на перекрестке истории
колесницей войны размозженным!

«Победителя не судят»,
как бы ни был он мерзок и гадок.
Хайль! В государстве Гоморры [42]
новый арийский порядок.
Протесты? Гитлер их слышать не хочет.
Тот, кто вымолвит слово укора,
станет на голову короче.
Если яростью фюрер кипит,
не жалеют голов и копыт!

Вы, бессчетные жертвы войны,
все, кого она закопала
в безымянных могилах каждой страны,
только помнить о вас — это мало!
Снова черный дракон угрожает расправой,
гнет цепей, ужас казни кровавой
для врагов он готовит своих.
Распоясалась черная шайка.
Тех, кто пал «в интересах райха»,
пусть утешат рыданья родных.

1934

ДОМА́

В доме стали
пот ручьями, струи лавы,
извержений жаркий ропот,
ковш над формой и кровавый
глыбы стынущей отсвéт.
Чтоб в металле вырастали
под рукой чьего-то сына
танки, пулеметы, мины,
туши злобных щук-торпед,
смерть саму формует робот.

В доме денег
пачка акций — сейфа пленник.
Ключ от сейфа — у банкиров,
оружейных воротил.
Виккерсы, Крезо и Круппы [43] —
им война дороже мира,
им лишь акций шелест мил.
Лысым и золотозубым,
им барыш приносят трупы
и военной драки пыл.

В доме бога,
ангелочкам сделав глазки,
о Христе лепечут сказки,
ближних судят зло и строго,
крупных хищников не трогая.
Фильм о маленьких грешках
крутит жирная рука.
На колени станьте, чада,
выи гнуть пониже надо;
очи — в небо, к облакам!

В доме мира
Марс посажен под арест.
Тут, в Женеве, — штабквартира,
миротворцев пышный съезд.
Словопрения открыты:
дипломат высокой марки
выступает с речью жаркой
возле бочки динамита.
Garden-party[44] и пинг-понг —
скоро грянет смерти гонг.

1934

В КАНУН БОЙНИ

Запад снова объят зарей,
день встает среди ночи хмурой:
багровеет Рейхстага [45] пожар.
Красно-рыжего пламени шар,
солнце новой жестокой эпохи
нагло выкатил Гитлер кием
на сукно темно-синего неба.

Геринг, Рем [46], ван дер Люббе [47] —
поджигатели-сваты, нахалы
с идиотски-жестокими рожами.
Не в грозу и не в бурю —
сквозь дымное пламя поджога
тащат они из Валгаллы [48]
древнегерманского бога:
поклоняйтесь, убогие духом!

Пусть горланит плебей,
хмель из кружек вливая в брюхо!
Пусть выносят толпе
знамена, где скрючилась свастика!
Рубашки коричневее красьте-ка!
Маршируйте, пусть улицы глухо
содрогаются маршу в такт! . .
Как больно, как стыдно,
что меркнут вершины духа.
В страшном фарсе — трагический акт.

Где же выход?
В чем же спасенье?
Днем и ночью пылают горны,
где оружье куется упорно.
Все растет и растет напряженье.
В души яд продолжает капать
и волнует Восток и Запад
угроза атаки тевтонов.

Если спели «Хорст Весселя» [49]
и знамена, раскрывшись,
над шеренгами свастику свесили —
это злобствует враг,
выбирает момент для атаки,
чтобы в яростной драке
в ход пустить свой железный кулак
и ярмо нацепить на шею соседу.

Все войной поколеблено: море и твердь,
воздух полон военной заразы.
Над Атлантикой буря ярится,
мчатся в тучах стальные птицы
с грузом яда, бактерий, газа.
По земле расползается смерть —
ржавой сталью грохочут танки,
предавая огню, истребленью
всё: форты и селения,
кости хрупкие, мира останки.

А вдали на востоке, в Токио-Йеддо [50]
нынче в фаворе
человек-торпеда:
жадней, чем акулы, мелькают в море,
в стальных оболочках себя задраив,
отчаянные самураи.
Взрывом одним такой уничтожит
судно вражеское. И себя — тоже.
Все кровавей война, все лютей.
Трагедия тысяч смертей.

1934

ТОЛЬКО

Только для убийства разве
мать дитя в себе носила,
холила, ласкала, мыла,
любовалась, как на праздник,
душу всю в него вложив, —
был бы он здоров и жив!
От земных напастей разных
берегла его, хранила
и все думала заране,
кем ее мальчонка станет?

Только мясом для орудий
или сам убийцей будет
в беспощадный этот век?
Видно, в сейфе у магната
денег стало маловато,
и для прибыли своей
в бойню гонит он парней,
чтобы миллионы пали,
а оставшиеся стали
миллионами калек!

Только маршируй смелее,
убивать учись вернее,
настоящим будь мужчиной —
и померкнет солнца свет
над широкою равниной!
Много будет зла и бед,
и покроют кровь и пот
это месиво болот,
чтобы сват кровавой свадьбы
миллионы мог собрать бы!

Только тот, кто и спасется
и живым домой вернется, —
будто это так и надо,
для последнего парада
жестяной получит крест,
а взамен ноги — протез.
Костыли получит вскоре,
серый за спину мешок...
Глаз немых глухое горе
в тень упрячет козырек.

1934

ИЗ ЭПИГРАММ

1934—1939

РОЖДЕНИЕ ПРЕЗИДЕНТА [51]

Родился он с дубинкою подмышкой,
весь Килькоград любуется малышкой,
и восторгаются младенцем жарко
три крестных папы:
Рыук, Сирк и Ларка [52].

СТАРАЯ ИЗДЁВКА

Ох ты, вечная издёвка!
Вдосталь лент, сплетенных ловко,
орден, цепь, подвеска, крестик,
позолота рядом с жестью!
Ведь вопрос идет о чести
и чем крохотней страна,
тем пышнее ордена.
Позавидует жестянщик —
что ни грудь, то жести ящик!
Ох ты, вечная издёвка!

1937

МУЗА, БЛИЗКАЯ К ЖИЗНИ

Милый, не дари ты мне букетов,
лучше принеси морковки горсть!
С бравым усачом под звуки джаза где-то
я плясала чуть не до рассвета,
а поесть совсем не довелось. . .
Милый, не дари ты мне букетов!

1937

ЖИТЕЙСКАЯ МУДРОСТЬ

Лишь тот богат и знаменит, снимая славы сливки,
кто для народа мастерит духовные фальшивки.
Хозяин масла подольет, чтоб не погасла лампа,
чтоб рос, как прежде, твой доход от прозы или
ямба.
Да, если лысины в цене, спилить рога резонно,
и плавать будешь, как во сне, ты в милостях
казенных!

1937

ПОЭТ

О мой паинька-поэт,
воспевай в стихах умильных
лишь влиятельных и сильных —
будет булка на обед!

1938

ВЛАСТЬ И ДУХ

Дух велик, но власть тем паче:
власть велит — пойдешь по-рачьи.

1938

«ПЕВЕЦ РАБОЧИХ»

Чтят творения
этого «гения»
диктатор, армия газет
и Государственный совет.
Только рабочий певца-фарисея
выгнал бы в шею!

1937

БЛАГО СНА

Сон — достойнейшее дело:
не греша, со всеми ладя,
спишь — не подорвешь основы,
не сболтнешь дурного слова;
сохранятся, как на складе,
желчь и злость на все невзгоды.
А для тех, кто ждет свободы
наяву, а не задрыхнув,
хватит места и на Кихну...[53]

1938

ПРИСПОСОБЛЕННАЯ ДЕМОКРАТИЯ

Отпущения козел ты, демократия!
То тебя в дугу согнут сплеча,
то натянут силой, как строптивый обруч
на пустой, гудящий глухо чан.
А когда узка начальству ты —
расширять тебя возьмется шайка бестий.
Видя труд пустой и столько суеты,
в небе ангелы смеются на насесте.

1939

УНИФОРМА ЦЕЛЬНОЙ НАЦИИ[54]

«Цельных наций» униформа:
шлем стальной, мундир расшитый
и железо на копыта.
Пусть по норме мало корма,
были б финки и гранаты,
будут сыты и богаты!

1938

ТЕНЬ И ПЕНЬ

Если власть имущий пень
указал, что солнце — тень,
солнце — тень, а сам ты — пень
и с мозгами набекрень.

1938

СОН «ДЕМОКРАТА»

Мне вчера — скажи на милость! —
их величество приснилось,
цензор и городовой.
Я подумал с чувством чистым:
«Все же это гуманисты,
ты заветы их усвой!»

1938

АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК

В дни Мюнхена [55] все поняли —
младенец и старик:
язык английский — все-таки
загадочный язык.
Допустим, слово «Чемберлен» [56]
вы написали. Но
«Сдаюсь на милость Гитлера»
читается оно.

1939

ДЕЛО МАВРОВ

Мавры вновь завоевывают Испанию.
Дуче, Гитлер и мавры.
Когда Каталонии вольной
затянули на горле петлю,
был устроен пышный военный парад.
Увенчали захватчиков лавры.
Землю снова забрали монастыри,
безземельным голодный крестьянин стал.
Так за рынки дерется пират-капитал.

1939

ПАРАДОКС

Все навыворот! Рассудок —
вверх ногами! Кроме шуток:
папа — рыцарь гуманизма,
он свободою увлекся! . .
Нет сильнее парадокса!

Есть заслуги и у дуче —
он умеет жечь и мучить!
Как во тьме средневековья,
расу стравливает с расой.
Будет пушкам больше мяса!

Пуп почесывает папа,
штык поглаживает лапой.

1939

МАДАМ ЕВРОПА

I

С юных лет, прослыв красоткой, стала ты
завзятой сводней.
В те года твой дом свиданий был шикарней, чем
сегодня:
Кунигунды в кринолинах, мушки, веера и ленты;
короли, цари и графы — постоянные клиенты.
Все пристойны и галантны, все изысканного тона,
хоть иные здесь теряли царства заодно
с короной...

II

А сегодня будуар твой стал притон-притоном:
вор на воре, педерасты — где уж тут с бонтоном!
Тем отборные кусочки отдает хозяйка,
у кого ножи длиннее и наглее шайка.

1939

Из рукописи книги

«ГЛУБОКАЯ ОСЕНЬ»

1935—1939

PRIMULA VERIS[57]

В слабой ручке дрожат первоцветы,
и усталый до слез голосок
все твердит: «Покупайте букеты!
Первоцветы, пять сентов пучок!»

В детском взоре мольба немая.
Ветер кудри льняные рвет,
а холодная изморось мая
обжигает лицо словно лед.

Голос тихий звучит все глуше.
На мосту толчея, суета. . .
И не трогает черствые души
горе детское,
нищета.

1935

В ГОСТИ К ОСЕНИ

I

Мне малыш неугомонный
вдруг принес букет купав осенних,
что в смятенье
силились раскрыть свои бутоны
в день осенний.

Мальчуган бежал играя,
прокатился, точно мячик,
сквозь орешник золоченый,
золоченый.

Склоном, солнцем озаренным,
мчались ножки,
ножки-крошки,
по траве, еще зеленой.
И на склоне
встретил он купав горенье,
и собрал букет весенний
в день осенний.

II

Яблонь ветви и вершины,
и вершины
наклоняет яблок ноша,
яблок ноша.

Красно-розовые с юга,
смотрят гроздья друг на друга;
урожай пришел хороший —
прехороший.

Возле яблони тенистой
детским ножкам нет покоя.
А в кудряшках золотистых
словно солнце погостило,
загостилось.

Будто Ева, Сийри-Лиллу
в руки яблочко схватила,
крепко держит наливное,
счастлива своей весною.
Да: весною!

1937

РУКИ МАТЕРИ [58]

Матери натруженные руки
сложены крестом и холодны.
Сон спокоен. Миновали муки.
Скорбь и горе преодолены.

Сердце навсегда устало биться,
веки сомкнуты чужой рукой.
Дождь осенний каплями струится
по доске холодной гробовой.

В горсть песка свинец печали налит.
Слезы мне глаза заволокли.
Не по гробу — по сердцу стучали
комья мерно падавшей земли.

Жизнь, в которой солнца было мало,
осенило вечности крыло.
На земле рожденное начало
снова в землю тихо отошло.

1936

ЛОЖЬ ПОДНИМАЕТСЯ

Ложь расшатала все мироздание.
Воздух отравлен. Все больше обмана в мире.
Радиоволны разносят отраву в эфире.
Всюду антенны растут, все выше они и сложней.
Бредни диктатора вспрыснуты страшным
вливанием
в душу народа. Обман все черней.
Сыплют горластые радиоглотки
гражданской войны [59] кровавые сводки.
Каждое чудо науки, любое ее достиженье,
именем фюрера отдано злу в услуженье.

Ложь все выше,
правда все ниже.

Сомневаешься даже в ценности золота.
Глыбы истин бесспорных разбиты, размолоты,
а с любой первобытно-жестокой натуры
сорван фиговый листик культуры.
В батраках у лжецов и газеты, и митинги.
Рядом с голосом диктора жиденьким —
рев маньяка, угрозы, злословье.
Лиги наций печально-известный чертог
ложью свой запятнал порог,
обагрил Абиссинии [60] кровью.

Ложь все выше,
правда все ниже.

Радио лжет, развращая юных:
«Мы — разрушители, мы — гунны!
Чуть прикажет наш фюрер боготворимый —
мир не за дни, за часы покорим мы!
Кровь и огонь всей земле уготованы,
лучший судья — наш кулак бронированный,
долг наш — помочь беззакониям мира!»

Растут на испанской земле шпалеры тел:
в землю того, кто земли захотел!
С неистовой злостью попы, генералы, банкиры
выносят смутьянам один приговор: расстрел.

Ложь все выше,
правда все ниже.

Козыри фюрера — самолеты и танки,
он юношам ружья сулит, а не пряники!
Расти, как веселый лесок, молодежь,
копи в своих мускулах силы!
Расти! — Этот парень в пехоту гож,
тех — бомбы бросать обучили...
Расти! — Бог войны на этой делянке
всю юную зелень сожжет сплошь.
Останется лишь над всемирной могилой
в эфире летящая подлая ложь.

Ложь все выше,
правда все ниже.

1937

ПАМЯТИ ГЕНИЯ

(А. С. Пушкину)

Властью царской беспощадной
век назад был гений смелый
изгнан из Петрова града
в те пределы,
где страдал Овидий [61] пылкий,
Римом сосланный когда-то.
Те же он узнал закаты,
в темных тучах — зорь прожилки,
горечь ссылки.

Так, над головами поколений,
через двух тысячелетий сор,
руки подали друг другу тени,
и суров, и гневен их укор
бездари благополучной,
мастерам хвалы ползучей,
выжившим и до сих пор.

Всем царям нужны лишь оды,
только оды,
слов хвалебных хороводы.
А язык твой был так зол!
Ты иглой пера колол
язвы власти —
власти царской, данной богом,
что грешна в земном, во многом...

И бессмертный гений выслан —
пусть без ну́жды и без смысла
сводит в рапорты и числа
про́тори от саранчи!..
Трон стоит неколебимо,
саранча — неутомима...
Царь из бардов исключил.
Всё. Молчи.

Древний Рим, Гиперборея [62] —
всюду повторялось это:
где хомут, а где ливрею
власть готовит для поэта,
чтоб сломить его скорее.
Лишь потомки, с болью в сердце,
проклинают самодержцев,
по певцу справляя тризны.

Но при жизни
тот блажен, кто без натуги
крутит вирши, словно флюгер,
с музой заключив союз,
но избегнув брачных уз:
власть меняется — для новой
ищет шлюху среди муз.
Ни к чему для пустослова
сердца груз.

1939

СТРАШНЫЕ ПРИМЕТЫ

В царство братства и свободы
кто сегодня станет верить?
Бог войны землею правит.
Угнетенные народы
для войны металлы плавят,
вырабатывают смерть.
В кандалах свобода слова;
разъяренному невежде
книг не жалко для костров,
а стен — для паутины свастик.
Разве можно жить как прежде?
Видя признаки несчастья,
как довериться надежде?

Тщетно долгими веками
люди молят в каждом храме:
«Мир пошли, как лучший дар твой!»
Тщетно в этой вечной драме
мира просят поколенья.
Жены, матери и дети
перед сильным на коленях:
«Защити свои селенья,
свой народ и государство!
Пусть не льется кровь на свете! . .»

Но угар ползет наружу —
плещет площадь рыком грубым.
Барабаны, пушки, трубы,
танков лязг, пехоты топот,
заглушают робкий ропот
безоружных.
Смолкни, говор человечий, —
фюрер снизошел до речи:
«Мир — бессильных добродетель,
это знают даже дети.

Договоры бесполезны,
прав один кулак железный! . .»

У крестов, эмблем похода,
вдруг крючки повырастали.
Малым, слабым государствам
в одиночку нет спасенья,
их сметет лавина стали,
новых крестоносцев рвенье.
Аргумент простой: потребность
в землях — «жизненном пространстве»,
в хлебе, масле, стали, сале.
Прост «порядок» их: свирепость,
принужденье.

В Риме старая волчица
тоже зубы точит подло,
нанести удар стремится,
выжидает миг удобный,
чтоб вцепиться жертве в горло.
«Горе слабым!» — крикнет злобно,
и падет, повержен, слабый
под ее железной лапой.

1939

ЧЕРНЫЙ САМОЛЕТ

Из развалин, из расселин,
различимый еле-еле,
кто взлетает привиденьем,
будто черный нетопырь?
Кто луну сечет крылами
над разбитыми домами,
где дымящийся пустырь?
Вдруг исчезнув — мчится снова,
без конца, без остановок
рассекает неба ширь.

Каждой ночью в свой полет
мчится нетопырь проклятый,
кружит ночи завсегдатай —
черный призрак — самолет.
Здесь до шквала бомбового
жизнь, пульсируя, кипела,
беззаботно юность пела.
Но умолкло, онемело
каменное тело улиц.
Смерть свое сказала слово.

Детский сад гудел, как улей,
лепет слышался ребячий.
Тот, капризничая, плачет,
тот стремглав бежит, топочет,
те играют и смеются,
а малыш в кроватке хочет
к пальцам ножек дотянуться,
ртом поймать бутоны эти. . .
Светлый день царил на свете,
мир не ждал зловещей ночи!

Миг — и всё вскипело адом:
газ потоком, бомбы градом
сыпал черный бомбовоз.

Небо в городе несчастном
заревом взорвалось красным,
человеческое мясо
на костре домов горело,
гибли женщины и дети. . .
Ты за гибель их в ответе,
поджигатель озверелый!

1939

СТИХИ И ЭПИГРАММЫ

1940—1950

ОККУПИРОВАННАЯ ЭСТОНИЯ

Словно встали меченосцы из средневековья.
Землепашцы стонут глухо, плачут рыбаки.
Косяки дверей печальных вымазаны кровью.
Растоптали нашу волю вражьи сапоги.

Взяли половину хлеба, взяли шерсть и пряжу.
Топоры в лесах гуляют, сотни пил поют.
Тысячи мужей отважных забраны под стражу,
а предатели, как змеи, по земле снуют.

Банда гитлеровцев грабит все дома и храмы,
на учете каждый выгон, каждая скирда,
на учете каждый мускул, молодой, упрямый.
Лишь объедки да обноски дарит нам орда.

Но народная надежда пламенеет в муке,
жадно тянется к востоку общая тоска.
Стонут матери в неволе, дети тянут руки —
принесите им свободу, красные войска!

1942

ДЕРЖИТЕСЬ, БРАТЬЯ!

Крепче держитесь, братья, стойте стеною!
Слушай меня, Эстония, слушай!
Время шагает по фронту твердой стопою!
Прочь колебанья, станьте стали надежней, души.
Час роковой настал, пробил суровый час —
быть или не быть? Жить или не жить?

В сердце звучит призыв, в сердце гремит приказ.
Кровь победивших у Юмеры, кровь
осаждавших Выннy [63]
к подвигу кличет снова, чтоб победить и быть
равным в семье народов, несокрушимых отныне.
Мы от врага очистим отчие берега.
Мы над собой не потерпим вражьего сапога!

Крепче держитесь, братья, стойте стеною!
Заперты рты, но гневный не затихает жар,
если оружья нету, каждый — и млад и стар —
камнем кулак носите, голосу сердца внемля!
Скоро переломает грохочущий ваш удар
кости всем оккупантам, грабящим нашу землю!

1943

НАСТУПИТ ДЕНЬ...

Тучи над отчизною черные сошлись:
мрак фашистской ночи злую тьму простер —
всюду власть баронов, голод и террор...

Но весов истории чашу клонит вниз:
рушится насилья беспощадный гнет,
скоро гнев народа силу тьмы сметет!

1943

БУДЕТ ПО-НОВОМУ...

Будет, будет,
после пляса будет плач,
стон гнусавый, жалкий:
быть предателям на свалке —
выбросит страна родная
свору Мяэ[64]...

Сгинет, сгинет
доморощенный палач.
Кончится былое
онемечиванье злое —
выбросит страна родная
свору Мяэ...

1943

ХЯЛЬМАР МЯЭ

Как с чемоданами, Хяльмар Мяэ?
Все ли уложено, смазаны ль пятки?
Скоро ль ринешься ты, удирая
в рай фашистский из нашего края?
Речи держал ты о «новом порядке»,
граждан смешил моралью поповской,
тешил эрзацами нас, как соской,
и верещал: «Потерпите до срока —
каждому будет работа, я знаю.
Хватит жалоб, довольно упреков!
Сани, крестьянин, готовь без опаски,
дров привези — ведь в городе холод,
хлеба возьми — ведь в городе голод.
Выдам за то старых книжек хоть тонну я,
знай же, как трудно вершить Эстонией. . .»
Дело, как видно, идет к развязке!

1942

ОТЧАЯНИЕ ГЛАВНОГО ПАЛАЧА

Волосы рвет на башке, изрыгает проклятья
главный палач, фюрер «третьего райха», тевтонец
чубатый.
Миф о силе и храбрости войска злодейского так
был приятен...
Корчится ныне оно, словно червь дождевой под
лопатой!

Список дивизий своих читает палач в книге
мертвых,
ругает метели и степи, ущелья, крутые отроги,
клянет генералов, вассалов — воителей гордых,
в рваных мундирах стоящих с утра на пороге!

1943

БРЮХАЧ ГЕРИНГ

Знать, в Германии жиру хватает,
раз у Геринга пузо настолько разбухло,
раз оно не по дням, по часам вырастает...
И чем больше толстеет у Геринга брюхо,
тем сильнее тощает Европа-старуха!

1943

ГЕББЕЛЬС

Гитлеру хромой ублюдок
из вранья готовит блюдо.
Гитлер хвалит — Геббельс рад стараться
и еще отчаяннее врет,
и кривляется на завидки мартышке.
А набьют по морде — бросит он кривляться,
кое-как зализет синяки да шишки,
за ухом почешет, дух переведет,
прошмыгнет куда-нибудь за сцену
и опять возьмется лгать и кувыркаться.
Полон весь эфир брехни самозабвенной,
и краснеют от стыда антенны.

1943

МАРИАННА [65]

Марианна, Марианна,
дева солнца закатного, дочь баррикад!
Ты узнала предательства гнусного яд:
старый маршал-подлец и мерзавец Лаваль [66] —
погубить Марианну им было не жаль.

Марианна, Марианна!
Оптом, в розницу шла, словно ходкий товар,
под солдатский сапог и приклада удар.
Но злодеям на тризне злорадствовать рано:
ты воскреснешь, взломаешь свой гроб, Марианна,
торжествуя, как Жанна д'Арк!

1943

МАК АРТУР [67]

Как Трумен ордена ему вручал!
Как трогательно обнимал, вручая!
(Кто перед кем хвостом вилял — не знаю:
Уолл-Стрит послал в Корею палача.)
Что ж — гангстеру ханжа прислуживаться рад,
а пуля не берет, как говорят,
того, о ком петля скучает.

1950

ЛИШКУ КУСАЕШЬ, ПОДАВИШЬСЯ

Э, нет, погоди,
золотозубый уолл-стритовский босс!
Земля — не лепешка, не блин,
ее не положишь на стол — ни-ни! —
ее не проглотишь.
Земля — не пустынный атолл Бикини [68],
где атом все истребляет,
где чудом уцелевает
лишь пара в солому забившихся коз.

Но бомбе не слишком-то радуйся, босс,
себе же ты гибель готовишь.
Размахивать пугалом атома брось —
ты гнев, а не страх вызываешь
и сам себе яму копаешь.

1950

ПАМЯТИ ЙОХАННЕСА БАРБАРУСА [69]

Свинцовый небосвод и даль морская
скорбят, как нынче старый Таллин
скорбит о друге и борце, вздыхая, —
ушел наш Барбарус навеки!

Умолкло сердце, полное созвучий,
оставив всходы щедрого посева.
Молчит завод, ковавший стих могучий,
и сломано перо любви и гнева.

Не ведал ты, товарищ по оружью,
боязни, ибо видел за собою
непобедимых юных сил содружье,
что выполнит свой долг перед страною!

Утрата тяжела — и от печали
весь день темнеют облака над нами.
Ты мог еще так много дать, мы знали,
ведь каждый стих твой рвался ввысь, как знамя.

Свинцовый небосвод и даль морская
скорбят, как нынче старый Таллин
скорбит о друге и борце, вздыхая, —
ушел наш Барбарус навеки!

1946

РОДНОМУ КРАЮ

Страна моих отцов, эстонская земля,
все больше я люблю твои леса, поля
в напевах золотых, в звучанье слов родимых!
И в грозных бурях ты стоишь непобедимо,
Эстония — советская земля!

На запад посмотрю — увижу море я,
цепь островов твоих с каймой береговою,
с востока — небеса и озеро Чудское
в просторах обнялись, как верные друзья.
Эстония — советская земля!

Мы — сыновья твои, свободная земля,
корнями, как дубы, вросли в твои поля!
В единый наш союз, как равная с другими,
навеки ты вплела свое простое имя,
Эстония — советская земля!

1944

АУГУСТ АЛЛЕ И ЕГО ТВОРЧЕСТВО

Аугуст Алле, благодаря своему разностороннему и своеобразному таланту, занимает в эстонской литературе особое место. Поэт, сатирик, публицист, литературный критик, он оставил немало содержательных и интересных произведений, отмеченных печатью яркой индивидуальности. Так же, как и ряд других талантливых писателей его поколения — Йоханнес Барбарус, Яан Кярнер, Йоханнес Семпер, — он принадлежит к числу выдающихся представителей эстонской демократической поэзии.

Аугуст Алле родился 31 августа 1890 года в гор. Вильянди в семье каменотеса. Из-за тяжелого материального положения семьи будущий писатель уже семилетним мальчиком вынужден был наняться в подпаски к кулаку. В 1902 году родители Алле переехали в Нарву; он работает каменотесом вместе с отцом, затем учеником прядильщика на «Кренгольмской мануфактуре», батраком у хуторян и на других случайных работах. Несмотря на тяжелый физический труд, Алле учится, много читает. Девятнадцатилетним юношей он сдает экстерном экзамен на получение диплома аптекарского ученика.

В 1909 году Алле уезжает в Россию, работает аптекарским учеником в кубанской станице Умань и в гор. Симбирске. Через год он переезжает в Вильно, где работает репетитором. В то же время Алле готовится к экзаменам на аттестат зрелости, сдает эти экзамены в 1915 году при гимназии в гор. Орле, после этого около трех лет учится на медицинском факультете Саратовского университета.

Но в сложных условиях гражданской войны Алле не удается закончить высшее образование. В 1918 году он возвращается в Эстонию, поступает на службу, затем короткое время занимается журналистикой. Вскоре он целиком посвящает себя литературной деятельности. Одновременно Алле поступает в Тартуский университет, но из-за материальных затруднений вскоре вынужден его оставить. Лишь в 1937 году ему удается окончить юридический факультет и он работает некоторое время помощником присяжного поверенного.

Революционные дни 1940 года Алле приветствовал горячо и искренне. Он работает консультантом отдела искусств только что сформированного Наркомата просвещения, а позже — заместителем начальника Управления по делам искусств Эстонской ССР. Осенью 1940 года Алле был принят кандидатом в члены ВКП(б), а в 1942 году — в члены партии. Во время Ве-

ликой Отечественной войны писатель эвакуируется в советский тыл — живет в Челябинске, Ярославле, Ленинграде и других городах. Он принимает участие в деятельности эстонской писательской организации, находится на партийной работе. После освобождения Советской Эстонии от немецко-фашистских захватчиков Алле работает заместителем народного комиссара юстиции республики, а с 1946 года до конца жизни — главным редактором органа Союза писателей ЭССР — журнала «Лооминг» («Творчество»), являясь в то же время членом правления Союза писателей.

Аугуст Алле умер от болезни сердца 8 июля 1952 года и похоронен в Таллине на Лесном кладбище.

Писатель был награжден орденом «Знак Почета», медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.» и многими почетными грамотами Президиума Верховного Совета ЭССР. В 1959 году решением таллинского горисполкома одна из улиц Таллина названа именем Аугуста Алле.

Тяга к литературному творчеству проявилась у Алле рано. Его первое стихотворение было напечатано в 1911 году, но заниматься поэтическим трудом более систематически он стал лишь несколько лет спустя в Вильно. В начале своего писательского пути Алле испытывал значительное влияние русских и западных символистов и свои первые работы публиковал в изданиях декадентской литературной группировки «Ноор-Ээсти» («Молодая Эстония»). В этих его стихах в известной мере сказываются черты, свойственные части российской интеллигенции в период столыпинской реакции, — отрыв от жизни, пессимизм, неверие в человека. Эти мотивы проявляются также в первом сборнике Алле — «К островам одиночества» (1918), в котором лишь отдельные стихотворения выделяются своей образностью и реалистической конкретностью. Живя в Вильно, Алле занимался изучением античной литературы, знакомился с греческой и римской мифологией, и это нашло отражение во многих стихах его первого сборника. Но хотя стихи эти и говорят об эрудиции автора, однако они не всегда захватывают читателя эмоционально и не дают достаточно ярких поэтических обобщений. В сборнике сильнее всего впечатляют написанные с суровым реализмом картины родной природы. Особое место занимает в нем «Эстонская пастораль». Это стихотворение, навеянное воспоминаниями о детстве писателя и дающее неприкрашенную, правдивую картину тяжелой жизни подпаска на кулацком хуторе, быстро приобрело широкую известность. Оно было сразу же включено в школьные хрестоматии, где занимает свое место и в наши дни. Это произведение может быть по праву отнесено к золотому фонду эстонской реалистической поэзии; оно много раз переводилось на русский язык, публиковалось также на финском, латышском, литовском, эсперанто и других языках.

В 1921 году выходит в свет второй сборник А. Алле «Carmina barbata» («Бородатые вирши»). Эта книга знаменует собой значительный перелом в творчестве поэта и в то же время свидетельствует о его индивидуальном, своеобразии. Поэт заявляет:

Дожив до тридцати годов,
решил я сбросить котурны.

Правда, и в этом сборнике встречаются стихи, выражающие узко субъективные настроения автора, иногда посвященные описанию богемной, беспорядочной жизни в такой манере, какая считалась тогда модной в буржуазной Эстонии; но не эти стихи определяют лицо сборника. Центральное место в «Carmina barbata» занимают личные воспоминания поэта о революционных событиях 1917 года в Петрограде и разоблачение алчной эстонской буржуазии, пришедшей к власти при помощи иностранных штыков. Со времени выхода в свет этого сборника буржуазная критика начинает называть поэта «enfant terrible эстонской литературы», так как он с полной откровенностью и решительностью говорит то, что думает.

Картины революции, изображенные в «Carmina barbata», написаны сильно, ярко, в них звучит пафос ниспровержения старого мира и горячее сочувствие трудящимся. Но, рисуя запоминающиеся картины гибели старого строя, поэт не дает нам четкой перспективы нового общества, свободного от угнетения. В ряде стихотворений Алле бичует эстонскую буржуазию, пробравшуюся к власти с помощью зарубежных империалистов. Его творческое кредо того периода, да и последующих лет, наиболее ясно выражено в широко известном стихотворении «Карающий», где поэт во весь голос провозглашает:

Сын Яана и Малле,
я есмь Аугуст Алле,
моллюск у земли на шкуре...
Но в преддверье суровой бури
я караю пером своим огненным
низость ваших черных деяний,
хватаю жулье за жирные длани.

Во многих произведениях Алле клеймит жадность, продажность, карьеризм, моральное разложение, бескультурье буржуазных правящих кругов. Новые темы, появляющиеся в творчестве поэта, несут с собой изменения и в форме его стиха. Алле все шире использует рифмованный свободный стих, суровый ритм которого органически вырастает из самой тематики его произведений.

Одновременно с созданием сборника «Carmina barbata» Алле начинает чаще выступать как публицист и литературный критик. В своих прозаических работах он также остается весь-

ма самобытным писателем, чуждым сухой, деловой академичности. О трактуемых им проблемах Алле говорит увлекательно, с темпераментом, чаще всего в тоне остроумной беседы, а подчас — языком острой, бичующей сатиры. Как художественный и литературный критик писатель выступает против устарелых и реакционных эстетических взглядов, а также против всяких «модных» течений — футуризма, экспрессионизма и т. д. Он обладает удивительной способностью пародировать стиль и манеру других писателей, метко подмечает слабые стороны противников. Сборник избранных работ такого рода (Алле называл их «критическими гротесками») вышел в 1923 году под названием «Лиловый слон».

В 1925 году выходит в свет поэма Алле «Песня о голубом платье и розовой юбке». Эта небольшая по объему поэма, над которой писатель работал с перерывами еще с 1921 года, представляет собой фрагментарное, лишенное определенного сюжетного стержня произведение. Интригующий заголовок намекает на то, что у автора было намерение рассказать о своем увлечении двумя женщинами. В начале, правда, говорится о двух давних возлюбленных поэта, но вскоре они отходят на задний план. В поэме, состоящей из четырех глав, Алле рисует четыре этапа своего внутреннего формирования, однако довольно отрывочно, давая лишь отдельные картины. Поэма начинается с воспоминаний о молодых годах автора, прошедших в Вильно, затем идет глава, рассказывающая о событиях в Петрограде летом 1917 года; в следующей главе в сочных красках, с гневом и сарказмом говорится о моральной низости мародерствующей тартуской буржуазии в дни гражданской войны. Поэма заканчивается главой, в которой звучит горечь и разочарование в окружающей жизни, причем поэт и здесь с насмешкой говорит об ура-патриотизме буржуазных националистов, их духовном убожестве и враждебности подлинной культуре.

Годы, последовавшие за опубликованием этой поэмы, были в творчестве Алле малоплодотворными. С одной стороны, его работе мешали цензурные ограничения, введенные буржуазным правительством, и систематическое ухудшение условий издания; с другой — длительный творческий кризис, вызванный чисто субъективными факторами, прежде всего — беспорядочным, богемным образом жизни, от которого писатель долгое время не мог отказаться.

Только в 1930 году выходит следующий сборник стихов Алле, носящий характерное название — «Мертвая зыбь».

Омертвела и застыла
зыбь немая мутных вод.
Корабли в тенетах ила.
Ветер залететь не в силах
под враждебный небосвод.

Этими словами начинается его новая, глубоко пессимистическая книга стихов; яснее, чем любое другое произведение Алле, она показывает, что поэт чувствует себя совсем чужим «под враждебным небосводом» буржуазного общества. Во многих стихотворениях этого сборника уже и современная поэту критика видела аллегорическую картину действительности буржуазной Эстонии. Об этом же говорит сам Алле позже, в 1940 году, в беседе с журналистом: «Каждый честный интеллигент ощущал невыносимое чувство удушья среди загнивающего болота буржуазного общества; я изобразил его в первом цикле сборника «Мертвая зыбь» — «Мертвые воды».

Если не считать отдельных красочных пейзажных стихотворений, вся эта книга отображает настроения безысходности, душную, затхлую атмосферу тех лет, загнивание буржуазного общества, зашедшего в экономический и политический тупик в условиях мирового экономического кризиса. С другой стороны, «Мертвая зыбь» — весьма характерная книга в том смысле, что она показывает, как одиночка-интеллигент томится в капиталистическом мире, не находя в себе силы порвать с его укладом жизни, его предрассудками и присоединиться к пролетариату, изменяющему ход истории. Поэт не умеет найти выход из среды, которая ему ненавистна, не видит ни возможности, ни путей ее перестройки.

В следующем сборнике стихов Алле — «Суровые ритмы» (1934) тоже местами звучат ноты пессимизма, но все же этот сборник оправдывает свое название: это суровая, боевая книга. В ней Алле уже сумел в большой мере преодолеть свои внутренние противоречия; он ясно видит растущую опасность, которую влечет за собой приход Гитлера к власти и фашизация эстонской буржуазии. Поэт мужественно выступает против реакции. Нарисованные им картины настоящего и будущего страшны, но правдивы. Он убеждает, предостерегает, бичует и обличает. В гневных стихах «Суровых ритмов» раскрыта человеконенавистническая, враждебная культуре сущность гитлеризма, преступные цели и захватнические планы германских фашистов, а также соглашательская политика западных дипломатов, алчность империалистов. Алле понимает, кто заинтересован в развязывании новой войны. Он говорит:

В доме денег
пачка акций — сейфа пленник,
ключ от сейфа — у банкиров,
оружейных воротил.
Виккерсы, Крезо и Круппы —
им война дороже мира,
им лишь акций шелест мил.
Лысым и золотозубым,
им барыш приносят трупы
и военной драки пыл.

Антифашистские стихи Алле принадлежат к числу наиболее выдающихся достижений эстонской поэзии того времени. Писатель стоит в одном строю с такими передовыми представителями эстонской интеллигенции, как Эдуард Вильде, Йоханнес Барбарус, Йоханнес Семпер, Александер Антсон, Ниголь Андрезен и многие другие, со всей решительностью защищавшие демократические принципы против мутной волны наступающего фашизма.

Наряду с острыми, бичующими фашизм стихами в «Суровых ритмах» опубликовано большое стихотворение в двух частях — «Предместье», в котором дан ряд правдивых картин из жизни простого люда Тарту. В то время в официальных кругах к литераторам стали все чаще предъявляться требования «быть ближе к жизни»; тогда за этими словами скрывался призыв описывать жизнь народа в приукрашенном, идеализированном виде, в выгодном для буржуазии освещении. Алле также обращает свой взгляд к предместью и живущей там бедноте, но вместо требуемых «песен радостного труда» дает беспросветные, отвечающие суровой действительности картины:

И предместью не по силам
от нужды освободиться:
это видно по унылым,
истощенным детским лицам.
Вечное недоеданье,
и болезни, и страданья
тенью обвели глаза их...

В этот сборник включен также ряд стихотворений о природе, как бы созданных яркой кистью живописца; особенным богатством оттенков отличаются в изображении Алле осенние ландшафты. Надо отметить, что, начиная с первого сборника, в своей пейзажной лирике Алле с наибольшей любовью рисовал осень; эти его стихи являются достижением не только в творчестве Алле, но и во всей эстонской поэзии.

«Суровые ритмы» дошли до читателя непосредственно перед тем, как эстонская буржуазия ликвидировала последние гражданские свободы, и до этого существовавшие лишь формально, и взяла официальный курс на фашизацию всей политической и общественной жизни страны. В последующие годы демократическим авторам делалось все труднее и труднее печатать свои произведения. Алле удается опубликовать в «Лооминге» несколько антивоенных стихотворений, в которых он выступает в защиту республиканской Испании и изображает злодеяния фашистов; но основным жанром для Алле становятся малые поэтические формы, главным образом иносказательная, аллегорическая эпиграмма. Еще в начале периода буржуазной власти Алле приобрел популярность как автор остроумных эпиграмм, в большинстве своем высмеивавших отрицательные

явления литературной жизни Эстонии. Теперь же в его творчестве преобладает политическая эпиграмма, острие которой направлено против буржуазной тирании, фальши, удушения свободы творчества, против прихвостней правящей клики, против международной реакции. В эстонской литературе Алле является непревзойденным мастером эпиграммы. Конечно, не все его эпиграммы тогда увидели свет, один из номеров журнала с его стихами даже был конфискован и уничтожен полицией. Эти произведения Алле были опубликованы лишь после восстановления в Эстонии советской власти.

Большая часть стихов Алле представляет значительный интерес и с точки зрения поэтического мастерства. Как отмечает народный писатель Эстонской ССР Фридеберт Туглас, стихи Алле, посвященные общественной жизни, оказали большое влияние на молодое поколение поэтов. В соответствии с содержанием своих стихов, в которых мысль выражена с большой прямотой и суровостью, Алле редко применяет канонические формы стиха. За исключением первого сборника, он почти всегда пользуется своеобразно зарифмованным свободным стихом, который своим ритмическим разнообразием, чередующимися интонациями помогает наиболее рельефно и ярко раскрыть замысел автора. Выдающийся демократический поэт Яан Кярнер в свое время писал об Алле: «Его свободный стих — это не какая-то расплывчатая, лишенная четких контуров масса; этот стих, правда, имеет такую тенденцию развития, но его целостность сохраняется благодаря основной идее, выраженной в четко нарисованных, сжатых, связанных образными сравнениями картинах».

Именно сжатость стиха, сочетающаяся с большой силой образа, составляет одну из отличительных черт поэзии Алле. Его мысль всегда раскрывается в рельефных картинах, свежих и запоминающихся метафорах и сравнениях. Картины и сравнения щедро рассыпаны в его стихах, подчас они нагромождаются одно на другое, переплетаются, поражают своей неожиданностью и иногда создают даже впечатление чрезмерной перегруженности стиха.

Поэтическая манера Алле не является подражанием каким-либо зарубежным и вообще каким-либо литературным образцам. Она непосредственно обусловлена самой тематикой его произведений, она естественна для него, как для натуры импульсивной. Красочные, часто даже грубоватые образы и картины, лапидарный стиль письма, сочные сравнения — во всем этом чувствуется поистине мужицкая мощь и прямота, все это выросло на родной почве. Говоря об Алле, невозможно отделить его творчество от его личности. Одинаково резко и беспощадно разоблачает он как общественные, так и личные пороки, его мужественной натуре чужда манерная, слащаво-сентиментальная лирика. Поэтому поэзия Алле всегда производит впе-

чатление свежести, силы, большой искренности, ее эмоциональное воздействие велико.

Своеобразие Алле ценили многие эстонские литераторы. Йоханнесу Барбарусу, например, очень нравилась «своеобычная непосредственность Алле», Яан Кярнер высоко ставил «его гневный пафос, его бунтарский дух». Юхан Сютисте с большой похвалой отзывался о «смелой, социально-направленной, ударной, острой поэзии Алле». Прозаик Рудольф Сирге, рассматривая антифашистское творчество Алле, сравнивал его с «огромным литейным цехом, из которого струится яркий свет и пышет антифашистским жаром».

Преобладающая часть произведений Алле была создана в период упадка буржуазной культуры, в условиях все растущего политического гнета; его творчество не свободно от недостатков и противоречий. Честный, искренний в своих постоянных исканиях истины, обладавший широким кругозором и огромной эрудицией интеллигент, он понимал истинную сущность буржуазного строя, видел царящее в буржуазном обществе социальное неравенство и несправедливость, ощущал атмосферу, враждебную свободным проявлениям человеческого духа. Но Алле тогда был не в силах найти дорогу к революционному рабочему классу и его передовому отряду — коммунистической партии и оставался бунтарствующим бойцом-одиночкой. Как критический реалист, он наносил беспощадные удары по самым основам старого общества, стремясь их разрушить, но не в состоянии был заглянуть дальше, вперед. И все же, перечитывая лучшие произведения Алле, относящиеся к буржуазному периоду, убеждаешься, что его творческие искания, наблюдения, анализ сущности буржуазного строя прокладывали для поэта путь к единственно правильному социалистическому мировоззрению.

К числу таких произведений Алле, которые в процессе сложного, противоречивого творческого развития писателя привели его к рабочему классу и в ряды коммунистической партии, надо отнести прежде всего стихи, с любовью рассказывающие о простых людях и их стремлениях, а также стихи, эпиграммы, фельетоны и публицистику, где проявляется гневный протест писателя против подлости и алчности правящей буржуазии. Его твердая антирелигиозная позиция, его непримиримость к реакционным направлениям в политической жизни и искусстве, а особенно, содержащееся во многих его произведениях беспощадное разоблачение фашизма — все это были предпосылки, приведшие писателя в передовые ряды борцов за советскую власть.

Творчество Алле, относящееся к советскому времени, не особенно обширно, но им создан за этот период ряд произведений, которые надолго сохранят свое значение. Особенную ценность представляют написанные в годы Великой Отечест-

венной войны стихи и эпиграммы, проложившие в эстонской поэзии новые пути. В них выражен глубокий советский патриотизм и твердая вера в то, что идеи социализма победят во всем мире. Стихи Алле, написанные в военные годы, зовущие в бой с врагом, печатались в периодических изданиях, выходивших на эстонском языке в советском тылу, а также в листовках, которые разбрасывались с самолетов над территорией Эстонии, оккупированной немецко-фашистскими захватчиками. В 1944 году в Ленинграде был выпущен маленький сборник эпиграмм Алле.

В 1954 году вышел в свет на эстонском языке составленный автором этих строк сборник избранных произведений Аугуста Алле; он до сих пор остается наиболее обширным изданием, дающим представление о лучшей части творчества этого выдающегося писателя.

Советский читатель высоко ценит Алле как передового писателя, замечательного представителя старой интеллигенции, который в тяжелых исканиях, в сложной внутренней борьбе нашел наконец свое настоящее место в социалистическом обществе, в Советской Эстонии; своими лучшими произведениями он несомненно внес свой вклад в дело победы эстонских трудящихся. В то же время многие стихотворения Алле, отдельно взятые, представляют собой человеческие документы глубокого значения: они помогают нам лучше понять эпоху, когда жил, страдал и трудился их автор, раскрывают перед нами внутренний мир писателя, с его противоречиями, но и непрестанным горячим стремлением к истине.

Будем надеяться, что настоящий небольшой сборник избранных лирических и сатирических стихов Аугуста Алле даст этому своеобразному поэту новых друзей среди широкого круга русских читателей.

Ральф Парве.

ПРИМЕЧАНИЯ И КОММЕНТАРИИ

Из книги «К островам одиночества» (1913)

1. Бог Апис — священный бык у древних египтян.
2. Изида — богиня в египетской мифологии.
3. Anno Domini MCMXIV (лат.) — в год господень 1914-й. Стихотворение написано в связи с началом первой мировой войны.
4. Homo sapiens (лат.) — человек как разумное существо.
5. Гекатомба — у древних греков жертвоприношение из большого количества животных; массовое убийство или гибель множества людей.

Из книги «Carmina barbata» (1921)

6. Ахилл — главный герой эпической поэмы Гомера «Илиада», витязь греческого войска, осаждавшего город Трою; Гектор — один из защитников Трои, павший в битве с Ахиллом.
7. Alma mater (лат.) — «мать кормилица», так называли высшую школу лица, ее окончившие; в данном случае — земля.
8. Махабхарата — индийский эпос, окончательно сложившийся в IV веке до н. э.
9. Carmina barbata (лат.) — бородатые вирши.
10. Франциск Ассизский — итальянский мистик XII в., основатель монашеского ордена францисканцев.
11. Великий Инквизитор — главный судья инквизиции в средние века. Здесь имеется в виду Торквемада (XV в.)
12. Брут — политический деятель древнего Рима, боровшийся за республиканский строй (V в. до н. э.).
13. Гелиогабал — римский император (III в. н. э.), который вел расточительную и развратную жизнь и был убит своими воинами.
14. «Надежда на Льва и Единорога» — намек на государственный герб Англии, на котором изображены лев и мифический единорог.

Из поэмы «Песня о голубом платье и розовой юбке» (1925)

15. Лета — в греческой мифологии река в подземном царстве, вода которой дает душам умерших забвение земной жизни.
16. Лазарь — больной, жалкий нищий из евангельского сказания.

17. Молох — божество древней Финикии и Ханаана; в переносном смысле — грубая, жестокая сила, требующая жертв. Ваал — божество древних семитов Сирии; в переносном смысле — символ погони за материальными благами.

Из эпиграмм (1917—1926)

18. Пегас — в древнегреческой мифологии крылатый конь Зевса; под ударом копыта Пегаса на горе Геликон якобы забил источник, вода которого давала вдохновение поэтам; оседлать Пегаса — стать поэтом.
19. Ванемуйне — бог песни в эстонской мифологии.
20. In memoriam maledictam anno Domini MCMXVIII (лат.) — в память проклятого года господнего 1918-го.
21. Pereat sub Jove Furor Teutonicus (лат.) — да сгинет на земле тевтонская ярость.
22. Государственное собрание (парламент) буржуазной Эстонии включало 100 депутатов. Фраза о «бараньих головах» — намек на двух депутатов — правых социал-демократов, по фамилии Ойнас (по-эстонски — баран).
23. Декель — цветная шапочка студенческой корпорации в буржуазной Эстонии.

Из книги «Мертвая зыбь» (1930)

24. Тоомпеа — Вышгород, центральная возвышенная часть города Таллина, где находились правительственные учреждения буржуазной Эстонии.

Из книги «Суровые ритмы» (1934)

25. Пейпси — эстонское название Чудского озера; здесь проходила граница между Советским Союзом и буржуазной Эстонией и последняя держала на озере военные корабли.
26. «Вымпела о трех щенках...» На государственном гербе буржуазной Эстонии были изображены три леопарда.
27. Родопис — прекрасная гетера, о которой рассказывается в сочинении Клаудиуса Элианоса (III в. н. э.): по воле богини счастья, у Родопис был украден ее башмачок, который затем попадает к царевичу; по этому башмачку царевич разыскивает Родопис и женится на ней.
28. Людовик XVI, казненный в 1793 году во время французской буржуазной революции.
29. Кубьяс — надсмотрщик в имениях прибалтийских баронов.
30. Конюшни Авгия. В древнегреческом мифе о подвигах Геракла рассказывается о том, что Геракл за одну ночь должен был вычистить конюшни царя Авгия, где в течение нескольких лет содержалось три тысячи животных.
31. Укулеле — гавайский струнный инструмент.
32. Groggy (англ.) — гроги, оглушенный ударом (боксерский термин).

33. Калев — богатырь в древнеэстонских сказаниях.
34. Пан-Европа — пропагандировавшийся западными реакционными политиками план создания «Соединенных штатов Европы».
35. Бриан — реакционный французский государственный деятель. Алле ошибочно считал его политиком, отстаивавшим мир.
36. Женева была местом пребывания Лиги наций.
37. Араки — военный министр Японии.
38. Марс — бог войны в римской мифологии.
39. Неандертальский человек — один из видов первобытного человека; скелет его был впервые найден в долине Неандерталь близ Дюссельдорфа в Германии в 1856 году. Немецкий реакционный философ Ф. Ницше в своей книге «Так говорил Заратустра» пропагандировал культ «сверхчеловека», проповедовал насилие и войну. Алле здесь клеймит мракобесие фашистов, взявших на вооружение человеконенавистнические «теории» Ницше, и сравнивает гитлеровцев с первобытными неандертальцами.
40. Homo homini lupus est (лат.) — человек человеку волк.
41. Намек на партию вапсов («Союз ветеранов»), ориентировавшуюся на германских фашистов. В 1933 году вапсы добились проведения референдума по выдвинутому ими проекту конституции, которая расчищала «законный» путь для фашистской диктатуры в Эстонии.
42. Гоморра — упоминающийся в библейских сказаниях город, жители которого якобы отличались разнузданностью нравов.
43. Фабриканты оружия: Виккерс — в Англии, Крезо — во Франции, Крупп — в Германии.
44. Garden-party (англ.) — праздник в саду, пикник.
45. Рейхстаг в Берлине был подожжен гитлеровцами в 1933 году с целью провокации, чтобы свалить вину на коммунистов и учинить кровавую расправу с рабочим классом.
46. Геринг, Рем — заправилы фашистской партии.
47. Ван дер Люббе — фактический поджигатель рейхстага.
48. Валгалла — в германской и скандинавской мифологии замок бога Одина, где обитают души мертвых.
49. «Хорст Вессель» — песня германских фашистов.
50. Йеддо — старинное название Токио.

Из эпиграмм (1934—1939)

51. «Рождение президента». Имеется в виду К. Пятс, ставший диктатором в буржуазной Эстонии при помощи фашистской партии вапсов. В народе вапсов называли «молодчиками с дубинками».
52. Рыук, Сирк и Ларка — вожаки партии вапсов.

53. На остров Кихну полицейские власти буржуазной Эстонии высылали на поселение лиц, казавшихся им «неблагонадежными».
54. «Униформа цельной нации». Буржуазная пропаганда усердно проповедовала «целостность и единство нации», «общность интересов» эстонских капиталистов и рабочих. Алле в своей эпиграмме показывает, что «цельность нации» на деле означает фашизацию страны.
55. В Мюнхене в 1938 году западные державы заключили с Гитлером договор, давший фашистской Германии полную свободу рук и направивший ее агрессию на восток.
56. Чемберлен — английский премьер, подписавший Мюнхенский договор с Гитлером в 1938 году.

Из рукописи книги «Глубокая осень» (1935—1939)

57. Primula veris (лат.) — первоцвет.
58. «Руки матери». Стихотворение написано на смерть матери поэта.
59. Имеется в виду интервенция, организованная фашистской Германией и Италией против республиканской Испании.
60. В 1936 году фашистская Италия без объявления войны напала на Абиссинию, а затем вышла из Лиги наций, чтобы окончательно развязать себе руки.
61. Овидий — римский поэт, сосланный императором Августом в I веке н. э. на берег Черного моря в город Томы (ныне Констанца).
62. Гиперборея — по преданиям древних греков, сказочная страна на севере.

Стихи и эпиграммы (1940—1950)

63. Юмера — река, на которой в 1207 году произошло сражение эстонцев с войсками немецких феодалов. Вынну (Цесис) — город и замок в Латвии, в XIII веке — опорный пункт рыцарей-крестоносцев; в 1210 году был осажден эстонским ополчением, разгромившим войско крестоносцев в битве на реке Юмера.
64. Хяльмар Мяэ — глава марионеточного «самоуправления» в оккупированной немецко-фашистскими захватчиками Эстонии.
65. Марианна — аллегорическое наименование Франции.
66. «Старый маршал-подлец и мерзавец Лаваль» — пособники фашистских оккупантов во Франции: президент республики маршал Петэн и премьер-министр Лаваль.
67. Мак Артур — командующий американскими войсками в начале войны в Корее в 1950 году.
68. Атолл Бикини в Тихом океане, где американские империалисты проводили испытания атомной бомбы.
69. Йоханнес Барбарус (1890—1946) — выдающийся поэт и государственный деятель Советской Эстонии.

СОДЕРЖАНИЕ

Из книги «К островам одиночества» (1918)

Эстонская пастораль. *Перевод В. Шефнера* 7
Приход осени. *Перевод Вал. Рушкиса* 8
На болоте. *Перевод Вал. Рушкиса* 9
Древняя могила. *Перевод Вал. Рушкиса* 10
Орлята. *Перевод Вал. Рушкиса* 11
Бог Апис. *Перевод Вал. Рушкиса* 12
Клеопатра. *Перевод Вал. Рушкиса* 13
Тень Гамлета. *Перевод Вал. Рушкиса* 14
Anno Domini MCMXIV. *Перевод Вал. Рушкиса* . . . 15

Из книги «Carmina barbata» (1921)

Пролог. *Перевод Вал. Рушкиса* 19
Декорация «Пиковой дамы». *Перевод Вал. Рушкиса* . . 21
Ноктюрн 1918. *Перевод Вал. Рушкиса* 22
На пороге тридцатилетия. *Перевод Вал. Рушкиса* . . 23
Карающий. *Перевод С. Ботвинника* 24
День Эстонии. *Перевод Вал. Рушкиса* 25
Эпилог. *Перевод Вал. Рушкиса* 26

Из поэмы «Песня о голубом платье и розовой юбке». *Перевод Вал. Рушкиса* 31

Из эпиграмм (1917—1926)

Выхолощенный Пегас. *Перевод Вал. Рушкиса* 37
Furor Teutonicus. *Перевод Вал. Рушкиса* 38
Футуристический «Летающий бычок». *Перевод Вал. Рушкиса* 38
Государственное собрание. *Перевод И. Ринка* 39
Меланхолический Пьеро. *Перевод Вал. Рушкиса* . . . 39
Скульптор. *Перевод Вал. Рушкиса* 40
Filiae patriae. *Перевод Вал. Рушкиса* 40
Молодые, да ранние. *Перевод Вал. Рушкиса* 41

Из книги «Мертвая зыбь» (1930)

Мертвые воды. *Перевод Вал. Рушкиса* 45
Тревога. *Перевод Вал. Рушкиса* 48
Осенней ночью. *Перевод Вал. Рушкиса* 49
В серый час. *Перевод Вал. Рушкиса* 51
Жнец. *Перевод Вал. Рушкиса* 53

Из книги «Суровые ритмы» (1934)

Зимовье. *Перевод Вал. Рушкиса* 57
Предместье. *Перевод Вал. Рушкиса* 59
Гротеск. *Перевод Вал. Рушкиса* 65
Суровые ритмы. *Перевод Вал. Рушкиса* 67
Комета свастики. *Перевод Вал. Рушкиса* 70
Дома́. *Перевод Вал. Рушкиса* 72
В канун бойни. *Перевод Вал. Рушкиса* 74
Только. *Перевод Л. Хаустова* 76

Из эпиграмм (1934—1939)

Рождение президента. *Перевод Вал. Рушкиса* 81
Старая издевка. *Перевод Вал. Рушкиса* 81
Муза, близкая к жизни. *Перевод Вал. Рушкиса* 81
Житейская мудрость. *Перевод И. Ринка* 82
Поэт. *Перевод Я. Галицкого* 82
Власть и дух. *Перевод Вал. Рушкиса* 82
«Певец рабочих». *Перевод И. Ринка* 82
Благо сна. *Перевод Вал. Рушкиса* 83
Приспособленная демократия. *Перевод Вал. Рушкиса* . 83
Униформа «цельной нации». *Перевод Вал. Рушкиса* . . 83
Тень и пень. *Перевод Вал. Рушкиса* 84
Сон «демократа». *Перевод Вал. Рушкиса* 84
Английский язык. *Перевод Я. Костюковского* 84
Дело мавров. *Перевод Вал. Рушкиса* 85
Парадокс. *Перевод А. Роховича* 85
Мадам Европа. *Перевод Вал. Рушкиса* 86

Из рукописи книги «Глубокая осень» (1935—1939)

Primula veris. *Перевод Вал. Рушкиса* 89
В гости к осени. *Перевод Вал. Рушкиса* 90
Руки матери. *Перевод Вал. Рушкиса* 92
Ложь поднимается. *Перевод Вал. Рушкиса* 93
Памяти гения. *Перевод Вал. Рушкиса* 95
Страшные приметы. *Перевод Вал. Рушкиса* 97
Черный самолет. *Перевод Вал. Рушкиса* 99

Стихи и эпиграммы (1940—1950)

Оккупированная Эстония. *Перевод П. Антокольского* . 103
Держитесь, братья! *Перевод А. Ойслендера* 104
Наступит день. *Перевод Бор. Тимофеева* 105
Будет по-новому. . . *Перевод Бор. Тимофеева* 106
Хяльмар Мяэ. *Перевод И. Ринка* 107
Отчаянье главного палача. *Перевод А. Роховича* . . . 108
Брюхач Геринг. *Перевод И. Ринка* 109
Геббельс. *Перевод Вал. Рушкиса* 110
Марианна. *Перевод Вал. Рушкиса* 111
Мак Артур. *Перевод Вал. Рушкиса* 112
Лишку кусаешь, подавишься! *Перевод Вал. Рушкиса* 113
Памяти И. Барбаруса. *Перевод А. Ойслендера* 114
Родному краю. *Перевод Б. Кежуна* 115

Ральф Парве. Аугуст Алле и его творчество. *Перевод М. Кулишовой* 116
Примечания и комментарии 125

Аугуст Алле
ЛИРИКА И САТИРА
Оформление Э. Вальтера
Обложка П. Рээвээра
Эстонское Государственное Издательство
Таллин, Пярнуское шоссе, 10.

Редактор Л. Тоом
Редактор издательства М. Кулишова
Художественный редактор
Р. Пангсепп
Технический редактор Х. Вебер
Корректор Н. Круглова

Сдано в набор 31 X 1960. Подписано к печати 14 XII 1960. Бумага 54×84, 1/16. Печатных листов 8,25 + 1 вклейка. По формату 60:92 печатных листов 6,82. Учетно-издательских листов 4,23.
Тираж 2000. Заказ № 1590.
Типография «Пунане Тяхт», Таллин, ул. Пикк, 54/58.

Цена 4 руб. 70 коп. (47 коп.).

7—4

9

РУБ. 4.70
1961 г. - 47 коп.